

ГАСТОН
ЛЕРУ

Призрак Оперы

✦ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✦

Зарубежная классика (АСТ)

Гастон Леру
Призрак Оперы

«АСТ»

1910

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Леру Г.

Призрак Оперы / Г. Леру — «АСТ», 1910 — (Зарубежная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-092216-1

«Призрак Оперы». Одно из самых ярких явлений массовой культуры XX, а потом и XXI века. Его множество раз экранизировали, ему посвящали бесчисленные рок-композиции, баллады и альбомы... И, наверное, нет человека, который бы ни разу в жизни не слышал или не смотрел написанного по его мотивам гениального мюзикла Эндрю Ллойда Уэббера. Со дня первой публикации «Призрака Оперы» прошло уже больше столетия, а таинственная и мрачная история юной оперной певицы Кристины, благородного виконта Рауля и жестокого и несчастного гения по прозвищу Призрак Оперы по-прежнему остается одним из культовых произведений в жанре «готического романа».

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-092216-1

© Леру Г., 1910

© АСТ, 1910

Содержание

Предисловие,	6
Глава I	9
Глава II	15
Глава III,	22
Глава IV	27
Глава V	32
Глава VI	37
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Гастон Леру

Призрак Оперы

© Перевод. Н. А. Световидова, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

* * *

*Моему приятелю Жо, который, конечно же, не призрак и тем
не менее, подобно Эрику, – самый настоящий Ангел музыки.
С искренней любовью Гастон Леру*

**Предисловие,
в котором автор этого необычного произведения
рассказывает читателю, каким образом
ему довелось удостовериться в том,
что Призрак Оперы действительно существовал**

Призрак Оперы существовал. Он не был, как долгое время думали, порождением воображения артистов и суеверия директоров, беспочвенной выдумкой разгоряченных умов девиц из кордебалета и их мамаш, билетерш, служащих гардероба и консьержки.

Нет, он существовал во плоти, хотя и придавал себе видимость самого настоящего призрака, то есть тени.

Как только я стал наводить справки в архиве Национальной академии музыки¹, меня с самого начала поразило удивительное совпадение странных явлений, которые связывали с присутствием Призрака, и событий, сопутствовавших одной из самых таинственных и фантастических драм, и вскоре я пришел к мысли о том, что можно, вероятно, разумно объяснить одно с помощью другого. От всего случившегося нас отделяет не больше тридцати лет, и было бы совсем нетрудно даже сегодня найти в самом танцевальном фойе весьма почтенных старцев, в чьих словах никто не посмеет усомниться, которые доподлинно вспомнят, словно все это происходило вчера, подробности загадочных и трагических обстоятельств, сопровождавших похищение Кристины Дое, исчезновение виконта де Шаньи и смерть его старшего брата графа Филиппа, чье тело обнаружили на берегу озера, находящегося в подвальной части театра Оперы со стороны улицы Скриба. Но до сего дня ни один из свидетелей не додумался заподозрить в причастности к этой ужасной истории персонажа, можно сказать, легендарного – Призрака Оперы.

Истина медленно прокладывала себе путь сквозь строй моих мыслей, смущенных расследованием, то и дело натывавшимся на явления, которые на первый взгляд вполне можно отнести к разряду потусторонних, и я уже готов был отказаться от предпринятого мной труда, ибо, изнемогая, преследовал призрачный образ, ни разу так и не поймав его.

Но в конце концов мне удалось получить доказательство того, что мои предчувствия не обманули меня, и однажды я был вознагражден за свои усилия, удостоверившись, что Призрак Оперы отнюдь не был тенью.

В тот день я много часов провел, склонившись над «Мемуарами одного директора», легкомысленным творением великого скептика Моншармена, который за время своего недолгого пребывания в Опере так и не сумел разобраться в тайнах, окружавших Призрака, и даже имел неосторожность потешаться над ними в тот самый момент, когда сам стал жертвой прелюбопытной финансовой операции, свершившейся внутри «колдовского конверта».

Отчаявшись, я вышел из библиотеки и вдруг встретил премилого администратора нашей Национальной академии, болтавшего на лестничной площадке с очень живым, кокетливым старичком, которого он тут же с удовольствием и представил мне. Господин администратор был в курсе моих исследований и знал, с каким нетерпением я понапрасну пытался отыскать убежище господина Фора, судебного следователя по знаменитому делу Шаньи. Никто не ведал, что с ним случилось, жив он или умер, и вот теперь, по возвращении из Канады, где он, как выяснилось, провел пятнадцать лет, бывший судебный следователь первым делом отправился в сек-

---

¹ Французский оперный театр в Париже.

ретариат парижской Оперы, чтобы получить право на бесплатное место. Ибо этот старичок и был господином Фором.

Большую часть вечера мы провели вместе, он рассказал мне все, что знал о деле Шаньи. За отсутствием доказательств ему в свое время пришлось признать безумие виконта и смерть его старшего брата результатом несчастного случая, однако он не сомневался, что между братьями произошла страшная драма из-за Кристины Дое. Но он так и не смог сказать мне, что случилось с Кристиной и виконтом. Когда же я завел речь о Призраке, он только посмеялся над этим. Хотя тоже был в курсе явлений, которые, казалось, свидетельствовали о существовании некоего исключительного человека, избравшего местом своего жительства один из самых таинственных уголков театра Оперы; ему также была известна история с «конвертом», однако во всем этом он не усмотрел ничего такого, что могло бы привлечь внимание должностного лица, которому поручили расследовать дело Шаньи, и потому едва выслушал показание одного свидетеля, явившегося по собственному почину, дабы заявить, что ему не раз доводилось встречаться с Призраком.

Персонаж этот, то есть свидетель, был не кто иной, как Перс – так весь Париж называл человека, которого хорошо знали завсегдатаи Оперы.

Следователь принял его за ясновидца.

Вы, конечно, понимаете, что меня страшно заинтересовала история с Персом.

Мне хотелось отыскать, если это еще было возможно, столь ценного и самобытного свидетеля. Удача сопутствовала мне, и я нашел его в маленькой квартирке на улице Риволи, где он и проживал с тех самых пор и где скончался через пять месяцев после моего визита.

Поначалу я отнесся к нему с недоверием, но когда Перс с детским простодушием рассказал все, что ему лично было известно о Призраке, и передал мне в полную собственность доказательства его существования, в том числе и странные письма Кристины Дое, письма, проливавшие ослепительный свет на ее ужасную судьбу, я уже не имел оснований сомневаться! Нет! Нет! Призрак не был мифом!

Я прекрасно знаю: мне ответят, что письма эти, возможно, вовсе не были подлинными, что они могли быть подделаны мужчиной, чье воображение наверняка питалось самыми обворожительными сказками, однако мне посчастливилось отыскать почерк Кристины, причем отнюдь не в пресловутой пачке писем, и, следовательно, заняться сравнительным изучением, которое избавило меня от всяких сомнений.

Кроме того, я навел справки относительно Перса и обнаружил, что он – человек честный, неспособный на какую-либо махинацию, которая могла бы ввести в заблуждение правосудие.

Впрочем, таково мнение самых именитых персон, причастных в какой-то мере к делу Шаньи и бывших друзьями этого семейства; я познакомил их со всеми своими документами, изложив те выводы, к которым пришел. С их стороны я получил благороднейшее поощрение и позволю себе в связи с этим привести лишь несколько строк, адресованных мне генералом Д.

«Сударь!

Сумею ли я уговорить вас предать гласности результаты вашего расследования? Я отлично помню, что за несколько недель до исчезновения великой певицы Кристины Дое и разразившейся затем драмы, которая повергла в траур все предместье Сен-Жермен, в танцевальном фойе много было разговоров о Призраке, и думается, что говорить о нем перестали лишь из-за этого дела, завладевшего тогда всеми умами. Однако, если возможно – а выслушав вас, я полагаю, что это именно так, – найти объяснение драмы при помощи Призрака, прошу вас, сударь, напомните нам снова о Призраке. Каким бы таинственным ни казался он поначалу, понять его все-таки легче, нежели ту мрачную историю, в которой злонамеренные люди пожелали усмотреть лишь смертельный раздор двух братьев, на самом деле обожавших друг друга всю жизнь...

Примите уверения и пр.».

И вот с моим досье в руках я снова исследовал обширные владения Призрака, гигантский монумент, где он основал свою империю, и все, что представало моим глазам, все, что открывал мой разум, неоспоримо подтверждало документацию Перса, а в довершение мои труды увенчала чудесная находка, положившая конец любым сомнениям.

Вы помните, как совсем недавно, когда копали в подвалах театра Оперы, дабы разместить там записанные на фонографе голоса артистов, кирка рабочих наткнулась на труп, так вот, я сразу же получил подтверждение тому, что это был труп Призрака Оперы. Я заставил удостоверить в том самого администратора, и теперь мне совершенно безразлично, что в газетах пишут, будто найдена одна из жертв Парижской Коммуны.

Несчастные, погибшие в подвалах Оперы во времена Коммуны, погребены в другой стороне; я скажу, где можно отыскать их скелеты: очень далеко от этого гигантского склепа, куда во время осады свозили всевозможные съестные припасы. Я напал на этот след в поисках останков Призрака Оперы, которые мне не удалось бы обнаружить, если бы не столь неслыханный случай захоронения живых голосов!

Но мы еще поговорим об этом трупе и о том, как следует с ним поступить. Теперь же хотелось бы завершить столь необходимое предисловие, поблагодарив скромных второстепенных персонажей, таких как комиссар полиции господин Мифруа (в свое время первым призванный констатировать исчезновение Кристины Дое), бывший секретарь господин Реми, бывший администратор господин Мерсье, бывший хормейстер господин Габриель и в особенности баронесса де Кастело-Барбезак, некогда звавшаяся «крошкой Мег» (и не стыдящаяся этого), самая очаровательная звезда нашего восхитительного кордебалета, старшая дочь почтенной госпожи Жири – ныне покойной, – бывшей билетерши ложи Призрака, все они оказали мне посильную помощь, и благодаря им я вместе с читателем в мельчайших подробностях вновь смогу пережить минуты чистой любви и несказанного ужаса².

---

² Я был бы неблагодарным, если бы, предвзяв эту страшную и правдивую историю, не воздал бы должное нынешней дирекции театра Оперы, столь любезно согласившейся на мои изыскания, и в частности господину Мессаже, а также очень симпатичному администратору господину Габьону и очень любезному архитектору, в обязанности которого входит полная сохранность монументального здания, он без малейшего колебания предоставил в мое распоряжение работы Шарля Гарнье, будучи почти уверенным, что я их не верну. И наконец, мне остается публично признать великодушие моего друга и бывшего моего сотрудника господина Ж.-Л. Кроза, позволившего мне пользоваться его изумительной театральной библиотекой и брать у него уникальные издания, которыми он очень дорожил. *Г. Л.*

Глава I

Неужели это Призрак?

Тем вечером, когда господин Дебьенн и господин Полиньи, подавшие в отставку директора театра Оперы, устраивали по случаю своего ухода прощальное торжество, гримерную Сорелли, одной из лучших представительниц танца, внезапно заполонили с полдюжины девиц кордебалета. Станцевав «Полидевка», они устремились туда в величайшем смятении: одни неестественно громко смеялись, другие кричали от ужаса.

Сорелли, желавшая побыть какое-то время одна, дабы «повторить» приветственную речь, которую вскоре ей предстояло произнести в фойе в адрес господина Дебьенна и господина Полиньи, с досадой увидела эту ошалевшую толпу, ворвавшуюся вслед за ней. Повернувшись к своим подругам, она спросила о причине столь бурного волнения. И тогда крошка Жамм – носик, дорогой сердцу Гревена³, небесно-голубые глазки, розовые щечки, лилейная грудка – объяснила эту причину дрожащим от страха голосом:

– Призрак! – И заперла дверь на ключ.

Гримерная Сорелли отличалась формальным и, пожалуй, весьма банальным изыщством. Высокое зеркало на ножках, диван, туалетный столик и шкафы составляли необходимую обстановку. На стенах – несколько гравюр: память о матери, знававшей прекрасные дни в прежней Опере на улице Лепелетье. Портреты Вестри, Гарделя, Дюпона, Биготтини. Эта гримерная казалась дворцом девочкам из кордебалета, размещавшимся в общих комнатах, где они проводили время, распевая, ссорясь, награждая тумачами парикмахеров и костюмерш и угощаясь черносмородиновой наливкой или пивом, а то и ромом, пока не прозвучит предупредительный звонок.

Сорелли была очень суеверна. Услыхав слова крошки Жамм о Призраке, она, вздрогнув, молвила:

– Вот дурочка! – И так как сама первая была готова верить в призраков вообще и в Призрака Оперы в частности, пожелала сразу же все выяснить. – Вы видели его? – спросила Сорелли.

– Как вижу вас сейчас! – простонала крошка Жамм и упала на стул, не в силах больше держаться на ногах.

И тотчас крошка Жири – глаза-черносливленки, волосы как смоль, лицо смуглое, а сама – кожа да косточки – добавила:

– Если это он, то очень уж безобразен!

– О да! – хором подхватили танцовщицы и заговорили все разом.

Призрак предстал перед ними в виде господина в черном фраке, который вырос вдруг в коридоре, неизвестно откуда взявшись. Его появление было столь внезапно, что, казалось, он вышел из стены.

– Ах! – не выдержала одна из девиц, сохранявшая в какой-то мере хладнокровие. – Вам всюду мерещится Призрак.

И в самом деле, вот уже несколько месяцев в Опере все толковали об этом призраке в черном фраке, который разгуливал по всему зданию сверху донизу, ни с кем не разговаривая. Да к нему никто и не решался обратиться, к тому же стоило его увидеть, и он тут же исчезал, неведомо куда и как. Шагов его не было слышно – обычное дело для любого настоящего призрака. Поначалу все только веселились, насмехаясь над этим привидением в одежде светского человека или служащего похоронного бюро, однако вскоре легенда о Призраке при-

---

³ Гревен Альфред (1827–1892) – французский художник, основавший в Париже в 1882 г. музей восковых фигур.

обрела в кордебалете колоссальный размах. Танцовщицы уверяли, будто сталкивались с этим сверхъестественным существом, становясь жертвами его злых чар. И те, кто громче всех смеялся, отнюдь не были самыми бесстрашными. Даже оставаясь невидимым, Призрак давал знать о своем присутствии то смешными, а то зловещими событиями, которые едва ли не всеобщее суеверие приписывало именно его влиянию. Случилось какое-нибудь несчастье, подружка подшутила над одной из девиц кордебалета, пропала пуховка для рисовой пудры? Во всем виноват был Призрак, Призрак Оперы!

А по сути, кто его видел? В Опере столько черных фраков, и это вовсе не обязательно призраки. Однако у того была одна особенность, не присущая остальным черным фракам. Под ним скрывался скелет.

Во всяком случае, так говорили девицы.

И вместо головы, разумеется, был череп.

Насколько этому можно было верить? Истина заключалась в том, что представление о скелете возникло после описания Призрака, сделанного Жозефом Бюке, старшим машинистом сцены, который действительно его видел. Он столкнулся – нельзя сказать «нос к носу», ибо у Призрака такового не было – с таинственным персонажем на маленькой лестнице, которая от рампы ведет непосредственно «в низы», в подвалы. Бюке успел заметить его в считанные доли секунды – ибо Призрак бросился бежать – и сохранил об этой встрече неизгладимое воспоминание.

Вот что рассказывал о Призраке Жозеф Бюке любому, кто готов был его выслушать:

«Он чудовищной худобы, и черный фрак болтается на нем, как на скелете. А глаза так глубоко западали, что с трудом можно различить неподвижные зрачки. И в общем-то видны лишь две огромных черных дыры, словно на черепе у мертвецов. Кожа, которая натянута на кости, как на барабан, вовсе не белая, а безобразно желтая; нос такой малюсенький, что в профиль совсем незаметен, *отсутствие* носа – вещь ужасная *на вид*. Три или четыре длинные темные пряди на лбу и за ушами – вот и вся шевелюра».

Напрасно Жозеф Бюке кинулся вдогонку за этим странным видением. Оно исчезло, словно по волшебству, и старший машинист сцены не сумел отыскать его следов.

Он был человеком серьезным, степенным, непьющим и не отличался живым воображением. Его словам внимали с изумлением и интересом, и тут же нашлись такие, кто стал утверждать, будто и они тоже видели черный фрак с черепом вместо головы.

Люди разумные, до которых дошел слух об этой истории, заявили сначала, что Жозеф Бюке стал жертвой одного из своих подчиненных, подшутившего над ним. Но затем последовали столь странные и необъяснимые события, что и умники заколебались.

Лейтенант-пожарный, безусловно, – человек отважный. Он ничего не боится и, главное, не боится огня!

Так вот этот самый лейтенант-пожарный⁴, который отправился с обходом в подвалы и, судя по всему, зашел дальше обычного, внезапно снова появился на сцене – бледный, растерянный, с выпученными глазами, дрожащий в испуге – и едва не лишился чувств, упав на руки благородной мамаша крошки Жамм. А почему? Да потому, что увидел приближавшуюся к нему *на уровне головы, но только без туловища, огненную голову!* Хотя лейтенант-пожарный, как известно, огня не боится.

Звали лейтенанта-пожарного Папен.

Кордебалет был потрясен. Прежде всего эта огненная голова ни в коей мере не соответствовала описанию Призрака, данному Жозефом Бюке. Пожарного засыпали вопросами, потом еще раз расспросили старшего машиниста сцены, после чего девицы пришли к выводу, что у Призрака, видимо, несколько голов и он меняет их, как вздумается. Они, естественно,

---

⁴ Эту историю, тоже вполне достоверную, мне рассказал сам господин Педро Гелар, бывший директор Оперы. (Прим. авт.)

тотчас вообразили, что подвергаются величайшей опасности. Раз уж лейтенант-пожарный едва не лишился чувств, то что тут говорить о кордебалете: и у корифеев, и у молоденьких фигуранток, именуемых мышками, нашлось немало оправданий тому ужасу, который заставлял их бежать со всех ног, когда они оказывались у темной дыры какого-нибудь плохо освещенного коридора.

А посему, дабы уберечь прославленное сооружение от ужасных колдовских козней, Сорелли в окружении всех танцовщиц и даже мелюзги младших классов в трико на другой день после истории с лейтенантом-пожарным самолично положила на стол привратника в вестибюле, расположенном рядом с административным двором, подкову, до которой любому, кто входил в Оперу не в качестве зрителя, надлежало дотронуться, прежде чем ступить на первую ступеньку лестницы. Иначе легко было стать добычей таинственных сил, завладевших зданием от подвалов до чердачных помещений!

Подкову эту, как, впрочем, и всю историю целиком, я – увы! – не выдумал: ее и сегодня можно увидеть на столе в вестибюле возле комнаты привратника, если войти в Оперу через административный двор.

Таково вкратце было состояние умов этих девиц в тот вечер, когда мы вместе с ними проникли в гримерную Сорелли.

– Призрак! – воскликнула, стало быть, крошка Жамм.

Беспокойство танцовщиц все возрастало. В гримерной воцарилось тревожное молчание. Не слышно было ничего, кроме прерывистого дыхания. Наконец Жамм с выражением неподдельного ужаса бросилась в самый дальний угол и, прислонившись к стене, прошептала одно лишь слово:

– Слушайте!

И в самом деле, всем почудилось, будто за дверью раздался какой-то шорох. Но шагов не было слышно. Казалось, прошелестел легкий шелк, задев дверную филенку. И все.

Сорелли попыталась выглядеть менее трусливой, чем ее подруги. Подойдя к двери, она спросила слабым голосом:

– Кто там?

Но ей никто не ответил.

Тогда, чувствуя на себе пристальные взгляды, следившие за каждым ее движением, она заставила себя быть храброй и очень громко сказала:

– Есть кто-нибудь за дверью?

– О да! Да! Наверняка за дверью кто-то есть! – вскрикнула эта сушеная слива Мег Жири, героически схватив Сорелли за газовую юбку. – Только не открывайте! Боже мой, не открывайте!

Но Сорелли, вооружившись стилетом, с которым никогда не расставалась, отважилась повернуть ключ в замочной скважине и открыть дверь, в то время как танцовщицы отпрянули назад, а кое-кто даже укрылся в туалете, и Мег Жири со вздохом прошептала:

– Мама! Мама!

Сорелли бесстрашно выглянула в коридор. Там было пусто; язычок пламени отбрасывал из своего стеклянного заточения неверный красный отблеск среди окружающего мрака, не рассеивая его. И танцовщица со вздохом облегчения поспешно закрыла дверь.

– Нет, – сказала она, – никого нет!

– А между тем мы все его видели! – снова заявила Жамм, боязливо занимая свое место возле Сорелли. – Должно быть, он бродит где-то там. Я ни за что не пойду переодеваться. Мы сейчас все вместе спустимся в фойе для «приветствия», а потом все вместе поднимемся.

С этими словами девочка благоговейно коснулась крохотного коралла, призванного отводить от нее беду. А Сорелли кончиком розового ногтя большого пальца правой руки украдкой нарисовала Андреевский крест на деревянном кольце, надетом на безымянный палец ее левой руки.

«Сорелли, – писал знаменитый журналист, – великая балерина, красавица со строгим и чувственным лицом, с похожей на ивовую ветку гибкой талией; ее обычно называют «прекрасным созданием». Светлые, чистого золота волосы обрамляют матовый лоб, а глаза сияют, словно два изумруда. Голова ее, будто султан, слегка покачивается на длинной, изящной, горделивой шее. Во время танца для нее характерно особое, неописуемое движение бедер, отчего по всему ее телу пробегает несказанной томности дрожь. Когда она поднимает руки и склоняется, собираясь начать пируэт, подчеркивая тем самым линию лифа, а наклон туловища в это время вырисовывает бедро этой прелестной женщины, подобное зрелище, по общему мнению, способно заставить человека пустить себе пулю в лоб и распроститься с мозгами».

Кстати о мозгах: считается доказанным, что у нее их вовсе не было. Но ей это не ставили в упрек.

– Дети мои, – снова обращается Сорелли к маленьким танцовщицам, – не пора ли опомниться!.. Призрак? Никто его, возможно, никогда не видел!..

– Нет-нет! Мы видели!.. Только что видели! – возразили крошки. – Он был во фраке и с черепом вместо головы, как в тот вечер, когда явился Жозефу Бюке!

– И Габриель тоже его видел! – добавила Жамм. – Не далее как вчера! Вчера после обеда, средь бела дня.

– Габриель, хормейстер?

– Ну да... Как! Вы этого не знали?

– И он был во фраке средь бела дня?

– Кто? Габриель?

– Да нет! Призрак!

– Конечно, во фраке! – заявила Жамм. – Сам Габриель мне это сказал. Потому-то он его и узнал. Вот как это случилось. Габриель находился в кабинете управляющего. Вдруг дверь распахнулась. И вошел Перс. А у Перса, сами знаете, «дурной глаз».

– Да, верно! – хором вторили маленькие танцовщицы и, представив себе образ Перса, тут же показали рожки Судьбе, вытянув указательный палец и мизинец, в то время как согнутые средний и безымянный пальцы прижимались к ладони большим.

– А Габриель такой суеверный! – продолжала Жамм. – Хотя всегда отменно вежлив и, когда видит Перса, просто преспокойно кладет руку в карман, чтобы потрогать ключи. Так вот, как только открылась дверь перед Персом, Габриель вскочил с кресла, на котором сидел, и бросился к замочной скважине в шкафу, чтобы успеть дотронуться до железа! По дороге, зацепившись за гвоздь, он разорвал полу своего пальто. А поторопившись уйти, ударился лбом о вешалку и набил огромную шишку; потом, попятившись внезапно, задел рукой за ширму у пианино; хотел опереться на пианино, но до того неудачно, что крышка упала ему на руки, прищемив пальцы; как сумасшедший, выбежал он из кабинета и, наконец, заспешив, спускаясь по лестнице, пересчитал спиной все ступеньки второго этажа. Я как раз проходила мимо вместе с мамой. Мы кинулись поднимать его. Он сильно расшибся, все лицо было в крови, мы даже испугались. Но он сразу заулыбался, воскликнув: «Благодарю тебя, Господи, за то, что так легко отделался!» Тут мы стали расспрашивать его, и он рассказал нам о своих страхах. А испугался-то он потому, что за спиной Перса стоял Призрак! *Призрак с черепом вместо головы*, каким описывал его Жозеф Бюке.

Конец истории, которую, с трудом переводя дух, торопливо, словно за ней гнался Призрак, поведала Жамм, встретили испуганным шепотом. И снова наступило молчание, которое нарушила крошка Жири, а Сорелли тем временем взволнованно полировала ногти.

– Жозефу Бюке лучше бы помолчать, – заявила сушеная слива.

– А почему он должен молчать?

– Так считает мама... – ответила Мег на этот раз едва слышно, оглядываясь по сторонам, словно опасаясь, что ее могут услышать другие уши кроме тех, что находились рядом.

- А почему твоя мама так считает?
- Тише! Мама говорит, что Призрак не любит, когда ему досаждают!
- А почему твоя мама говорит это?
- Да потому что. Потому что ничего особенного...

Такая искусная уклончивость разожгла любопытство девиц, и они, окружив крошку Жири плотным кольцом, обуреваемые ужасом, склонились в едином порыве, умоляя ее объяснить. Заражая друг друга страхом, они получали острое удовольствие, от которого кровь стыла в жилах.

- Я поклялась ничего не рассказывать! – еле слышно пролепетала Мег.

Но они не оставляли ее в покое, истово пообещав хранить секрет, и Мег, горевшая желанием поведать то, что знала, начала в конце концов, не спуская глаз с двери:

- Так вот, это все из-за ложи...
- Какой ложи?
- Ложи Призрака!
- У Призрака есть ложа?

При мысли, что Призрак имеет собственную ложу, танцовщицы не могли сдержать охватившего их жуткого восторга, удивлению их не было предела. Они только вздыхали, повторяя: «Ах, боже мой! Рассказывай... Рассказывай...»

– Потихонечко! – приказала Мег. – Это ложа первого яруса, да вы знаете, ложа номер пять на первом ярусе, у самой сцены с левой стороны.

- Не может быть!
- Точно вам говорю. А билетершей там – моя мама... Но вы клянетесь ничего не рассказывать?
- Ну конечно! Дальше!..
- Так вот, это и есть ложа Призрака... Туда больше месяца никто не приходил, кроме Призрака, разумеется, и в администрацию отдали распоряжение никому ее не сдавать...
- И Призрак действительно туда приходит?
- Ну конечно...
- Стало быть, кто-то все-таки приходит?
- Да нет же!.. *Приходит Призрак, но там никого нет.*

Крошки-танцовщицы переглянулись. Если Призрак являлся в ложу, его должны были видеть, раз на нем был черный фрак, а вместо головы – череп. Они попытались втолковать это Мег, но та возразила:

– В том-то и дело! Призрака не видно! У него нет ни фрака, ни головы!.. Все, что рассказывали о черепе и огненной голове, выдумки! Ничего такого у него нет... Его только можно слышать, когда он в ложе. Мама никогда его не видела, но зато слышала. Уж мама-то знает, ведь это она приносит ему программу.

Сорелли сочла своим долгом вмешаться:

- Жири, ты смеешься над нами?

Тут крошка Жири заплакала.

– Лучше бы я молчала. Если мама когда-нибудь узнает!.. И все-таки Жозеф Бюке напрасно лезет не в свое дело, что верно, то верно. Ему это принесет несчастье... Мама еще вчера вечером говорила...

В эту минуту в коридоре послышались тяжелые торопливые шаги и громкий голос:

- Сесиль! Сесиль! Ты здесь?
- Это мамин голос! – сказала Жамм. – Что случилось? – И она открыла дверь.

Почтенная дама, скроенная наподобие померанского гренадера, ринулась в гримерную и со стоном упала в кресло. Она в страхе таращила глаза, придававшие мрачное выражение ее лицу цвета обожженного кирпича.

- Какое несчастье! – проговорила она. – Какое несчастье!
- В чем дело? В чем дело?
- Жозеф Бюке...
- Ну что там с Жозефом Бюке?
- Жозеф Бюке умер!

Гримерная наполнилась удивленными возгласами, испуганными требованиями разъяснения...

– Да. Его только что нашли повешенным в третьем подвале!.. *Но самое ужасное*, – задыхаясь, продолжала несчастная почтенная дама, – *самое ужасное то, что машинисты сцены, которые обнаружили его тело, уверяют, будто возле трупа слышны были какие-то звуки, похожие на погребальное пение!*

– Это Призрак! – невольно вырвалось у крошки Жири, однако она тут же опомнилась и закрыла рот руками: – Нет!.. Нет!.. Я ничего не сказала!.. Я ничего не сказала!..

Вокруг нее все подружки тихонько повторяли в ужасе:

– Так и есть! Это Призрак!..

Сорелли побледнела...

– Ни за что я не сумею произнести приветственную речь, – молвила она.

Мамаша Жамм, осушив забытую на столе рюмку ликера, тоже высказала свое мнение: тут наверняка замешан Призрак...

Истина же заключается в том, что никто так никогда и не узнал, как умер Жозеф Бюке. Расследование, довольно поверхностное, не дало никаких результатов, если не считать вывода о *естественном самоубийстве*. В «Мемуарах одного директора» господин Моншармен, один из двух директоров, сменивших господина Дебьенна и господина Полиньи, так описывает случай с повешенным:

«Прискорбный инцидент нарушил небольшое торжество, устроенное господином Дебьенном и господином Полиньи по случаю их ухода. Я находился в директорском кабинете, когда туда внезапно вошел Мерсье – администратор. Он в панике сообщил мне, что в третьем подвальном этаже под сценой, между стропильной фермой и декорациями «Короля Лагорского», обнаружено тело одного машиниста сцены.

«Надо пойти снять его!» – воскликнул я.

Но пока я бегом спустился по ступенькам, а потом по приставной лестнице, у повесившегося уже не оказалось веревки!»

Вот, стало быть, какое событие господин Моншармен считает естественным. Человек висит на веревке, его собираются снять, а веревка исчезает. О! Господин Моншармен нашел тому весьма простое объяснение. Послушайте его:

«*Тут как раз закончился танец, и корифеи с мышками поспешили принять меры предосторожности от сглаза*». Небольшой штрих, и только. Вы представляете себе девочек кордебалета, которые спускаются по приставной лестнице и делят между собой веревку повесившегося быстрее, чем это можно описать? Несерьезно! Зато когда я обдумываю, в каком точно месте было найдено тело – в третьем подвальном этаже под сценой, – на ум мне приходит, что, возможно, у кого-то был интерес, чтобы эта веревка, сделав свое дело, исчезла. И позже мы увидим, прав ли я был, предположив такое...

Мрачная новость быстро распространилась по всему зданию Оперы, сверху донизу: ведь Жозефа Бюке здесь очень любили. Гримерные опустели, и молоденькие танцовщицы, собравшись вокруг Сорелли, словно испуганные овцы вокруг пастуха, направились в фойе по плохо освещенным лестницам и коридорам, торопливо семеня своими розовыми лапками.

Глава II

Новая Маргарита

На первой площадке Сорелли столкнулась с поднимавшимся графом де Шаньи. Граф, обычно такой сдержанный, не скрывал своего восторженного волнения.

– Я шел к вам, – сказал граф, весьма галантно приветствуя молодую женщину. – Ах, Сорелли! Какой прекрасный вечер! А Кристина Дое... Какой триумф!

– Не может быть! – возмутилась Мег Жири. – Всего полгода назад она пела так, что уши вяли! Однако позвольте нам пройти, дорогой граф, – сказала девочка с шаловливым реверансом, – мы хотим узнать новости о несчастном человеке, которого нашли повесившимся.

Услыхав ее слова, проходивший мимо озабоченный администратор внезапно остановился.

– Как! Вам уже об этом известно, мадемуазель? – спросил он довольно резким тоном. – Ну что ж, только никому не говорите, в особенности господину Дебьенну и господину Полиньи, они ничего не должны знать! Их это сильно расстроит – в последний-то день!

Все направились к танцевальному фойе, уже заполненному людьми.

Граф де Шаньи оказался прав: ни одно торжество нельзя было сравнить с этим. Те, кому посчастливилось присутствовать на нем, до сих пор с волнением рассказывают о своих впечатлениях детям и внукам. Еще бы: Гуно, Рейер, Сен-Санс, Массне, Гиро, Делиб по очереди вставали за пульт и самолично дирижировали своими произведениями. Среди прочих звезд следует назвать Фора и Краусс, а кроме того, именно в тот вечер удивленному и очарованному всему Парижу явила себя в полном блеске та самая Кристина Дое, о таинственной судьбе которой я хочу поведать в этом произведении.

Гуно исполнил «Траурный марш»; Рейер – свою прекрасную увертюру к «Сигурду»; Сен-Санс – «Танец смерти» и «Восточные грезы»; Массне – никогда не звучавший раньше «Венгерский вальс»; Гиро – свой «Карнавал»; Делиб – «Медленный вальс Сильвии» и пиццикато из «Коппелии». Пели мадемуазель Краусс и Дениза Блох, первая – болеро из «Сицилийской вечерни», вторая – застольную из «Лукреции Борджиа».

Но истинный триумф выпал на долю Кристины Дое, исполнившей сначала несколько отрывков из «Ромео и Джульетты». Молодая артистка впервые пела это произведение Гуно, которое, впрочем, еще не было перенесено на сцену Оперы, а лишь восстановлено в «Опера комик» спустя долгое время после того, как было поставлено госпожой Карвало в бывшем «Театре лирик». Ах! Остается лишь пожалеть тех, кто не слышал Кристину Дое в роли Джульетты, не видел ее наивной грации, не содрогался при звуках ее ангельского голоса, не ощущал, как собственная душа вместе с ее душой устремляется ввысь над могилами веронских любовников:

«Господь, прости меня!»

Но все это ничто по сравнению с неземными интонациями, зазвучавшими в сцене тюрьмы и финального трио «Фауста», где она пела, заменив почувствовавшую недомогание Карлотту. Никто никогда не слыхивал и не видывал ничего подобного!

То была «новая Маргарита», которую раскрыла Дое, Маргарита небывалого великолепия и блеска.

Весь зал *целиком*, охваченный необычайным волнением, восторженными криками приветствовал рыдавшую Кристину, без сил упавшую на руки своих товарищей. Пришлось отнести ее в гримерную. Казалось, она отдала богу душу. Известный критик П. де Ст.-В. запечатлел незабываемое воспоминание об этой чудесной минуте в статье, которую так и назвал – «Новая Маргарита». Будучи сам великим артистом, он просто-напросто поделился своим

открытием: это прекрасное и нежное дитя подарило в тот вечер зрителям не только свое искусство, но и сердце. А любому из приверженцев Оперы было известно, что сердце Кристины оставалось столь же чистым, как в пятнадцать лет, и П. де Ст.-В. заявлял:

«Дабы понять, что же произошло с Дое, *приходится сделать вывод, что она впервые полюбила!* Возможно, я проявляю нескромность, – добавлял он, – но лишь любовь способна сотворить подобное чудо, совершив ошеломляющее преобразование. Два года назад мы слышали Кристину Дое на конкурсном экзамене в консерватории, она вселила в нас надежду. *Но откуда сегодня взялось это возвышенное величие? Если оно не снизошло с небес на крыльях любви, мне остается думать, что оно послано адом и что Кристина, вроде мошенника Офтердингена, заключила договор с самим дьяволом!* Тот, кто не слышал Кристину в финальном трио «Фауста», понятия не имеет о «Фаусте»: только восторженный голос и священное упоение чистой души не смогли бы достигнуть таких высот!»

Между тем некоторые зрители возмущались. Как могли скрывать от них подобное сокровище? До сих пор Кристина Дое была всего лишь приемлемым Зибелем рядом с чересчур заземленной блистательной Маргаритой Карлотты. И понадобилось непонятное, необъяснимое отсутствие Карлотты на праздничном гала-концерте, чтобы в той части программы, которая отводилась для испанской дивы, малютка Дое без всякой подготовки показала, на что она способна. И почему, лишившись Карлотты, господин Дебьенн и господин Полиньи обратились к Дое? Стало быть, они знали о ее скрытом даровании? А если знали, почему таили его? А она, почему она таила его? Вещь странная, но в настоящий момент у нее, как известно, не было учителя. Она не раз заявляла, что отныне будет работать одна. Все это было непостижимо.

Граф де Шаньи присутствовал при восторженном иступлении зала и, стоя в своей ложе, присоединял оглушительные браво к общим аплодисментам.

Графу де Шаньи (Филиппу Жоржу Мария) исполнился сорок один год. Это был настоящий вельможа и статный мужчина. Ростом выше среднего, с приятным, несмотря на суровое выражение и несколько холодный взгляд, лицом, он был изысканно любезен с женщинами и немного высокомерен с мужчинами, не всегда прощавшими ему успехи в светском обществе. Сердце у него было прекрасное и совесть чиста. После смерти старого графа Филибера он стал главой одного из самых прославленных и старинных семейств Франции, чья родословная восходит к Людовику Сварливому.

Состояние де Шаньи было немалым, и когда старый граф, оставшийся вдовцом, умер, на долю Филиппа выпала нелегкая задача: ему пришлось согласиться взять на себя ответственность распоряжаться столь значительным наследством. Две его сестры и брат Рауль и слышать не хотели о разделе имущества, во всем полагаясь на Филиппа, словно право первородства не переставало существовать. Когда обе сестры вышли замуж – в один и тот же день, – то получили свою долю из рук брата не как что-то причитающееся им по праву, а как приданое, за которое они выразили ему свою признательность.

Графиня де Шаньи – урожденная де Мержи де ла Мартиньер – умерла, произведя на свет Рауля, родившегося на двадцать лет позже своего брата. Когда старый граф умер, Раулю было двенадцать лет. Филипп активно занимался воспитанием мальчика. В этой задаче ему старательно помогали сначала сестры, а потом старая тетка, вдова моряка, жившая в Бресте; она-то и привила Раулю вкус ко всему, что связано с морем.

Он поступил в морское училище, закончил его в числе лучших выпускников и преспокойно совершил кругосветное плавание. Благодаря могущественной поддержке его включили в состав официальной экспедиции, отправлявшейся на борту «Акулы» на поиски в полярных льдах оставшихся в живых членов экспедиции с «Артуа», о которой не было известий вот уже три года. А пока он предавался радостям длительного отпуска, заканчивавшегося лишь через шесть месяцев, и при виде этого красивого мальчика, казавшегося таким хрупким, престарелые дамы благородного предместья уже жалели его ввиду предстоящих суровых испытаний.

Робость этого моряка и, я бы даже сказал, его невинность бросались в глаза. Казалось, будто он лишь накануне вышел из-под женской опеки. И в самом деле, взлелеянный сестрами и старой теткой, он сохранил неизгладимый след чисто женского воспитания – чуть ли не наивные манеры, безусловно исполненные очарования, которое ничто до сих пор не в силах было заставить потускнеть.

В ту пору ему минул двадцать один год, но выглядел он не старше восемнадцати. У него были светлые усики, прекрасные голубые глаза и девичий цвет лица.

Филипп баловал Рауля, ни в чем ему не отказывая. Прежде всего он гордился им и с радостью предвкушал для младшего брата славную карьеру на флоте, где один из их предков, знаменитый Шаньи де ла Рош, состоял в ранге адмирала. Воспользовавшись отпуском молодого человека, Филипп хотел показать ему Париж, которого тот практически не знал, не имея представления о роскошных радостях и артистических удовольствиях, какие можно было там найти.

Граф полагал, что в возрасте Рауля неразумно быть чересчур благоразумным. Филипп отличался весьма уравновешенным нравом, соблюдая умеренность и в работе и в удовольствиях, он всегда держался безупречно и неспособен был подать брату дурной пример. Он всюду брал его с собой. И привел даже в танцевальное фойе.

Я прекрасно знаю, что все говорили, будто граф состоял «в самых коротких отношениях» с Сорелли. Ну и что! Можно ли вменить в вину этому дворянину, оставшемуся холостым и, следовательно, располагавшему свободным временем, в особенности с тех пор, как сестры его были устроены, что после ужина он проводил час или два в обществе танцовщицы, которая не отличалась, разумеется, умом, но зато имела самые красивые глаза на свете? К тому же существуют места, где истинный парижанин, занимающий положение графа де Шаньи, просто обязан показываться, а в ту пору танцевальное фойе Оперы было одним из таких мест.

Хотя Филипп, возможно, и не повел бы своего брата за кулисы Академии национальной музыки, если бы тот сам несколько раз не просил его об этом с мягкой настойчивостью, о чем графу придется вспомнить впоследствии.

В этот вечер Филипп, поаплодировав Дое, повернулся к Раулю и, заметив его бледность, даже испугался.

– Разве вы не видите, – сказал Рауль, – что этой женщине плохо?

В самом деле, Кристину на сцене пришлось поддерживать.

– Ты и сам, того гляди, лишишься чувств, – заметил граф, наклоняясь к Раулю. – Что с тобой?

Но Рауль уже был на ногах.

– Пойдем, – молвил он дрожащим голосом.

– Куда ты хочешь идти, Рауль? – спросил граф, удивляясь волнению младшего брата.

– Пойдем посмотрим! Ведь она впервые так поет!

Граф с интересом взглянул на брата, и на губах его появилась едва заметная улыбка.

– Вот как! – И он поспешил добавить: – Пойдем! Пойдем!

Вскоре они очутились у входа для абонированных зрителей, где было оченьлюдно. Дожидаясь, когда можно будет проникнуть на сцену, Рауль, не сознавая, что делает, разрывал свои перчатки. Филипп, отличаясь добротой, вовсе не думал смеяться над его нетерпением. Теперь он был осведомлен. Он понял, почему Рауль бывал рассеян, разговаривая с ним, и почему с таким нескрываемым удовольствием всякий раз переводил беседу на оперу.

Они вышли на сцену.

Черные фраки устремлялись к танцевальному фойе либо направлялись к артистическим гримерным. Крики машинистов сцены смешиваются с яростными нареканиями руководителей различных служб. Расходятся статисты из последней картины, безмолвные «фигурантки» толкают вас, кто-то несет штатив, с колосников спускается задник, декорации укрепляют оглу-

шительными ударами молотка, вечное «дорогу театру» звучит у вас в ушах, словно предвестие некой катастрофы, грозящей вашему цилиндру, либо крепкого удара в спину, – такова обычная суматоха, сопутствующая антрактам. Она не может не вызвать волнения у новичка вроде молодого человека со светлыми усиками, голубыми глазами и девичьим цветом лица, торопливо, насколько позволяла ему теснота, пересекавшего ту самую сцену, на которой только что с триумфом выступала Кристина Дое и под которой скончался Жозеф Бюке.

Никогда еще не наблюдалось такого смятения, как в тот вечер, но и Рауль утратил свою привычную робость. Крепким плечом он отстранял любое препятствие, встававшее на его пути, не обращая ни малейшего внимания на то, что говорилось вокруг него, и не пытаясь понять растерянные толки машинистов сцены. Им владело одно-единственное желание: увидеть ту, чей волшебный голос отнял у него сердце. Да, он прекрасно сознавал, что его бедное сердце больше не принадлежит ему. Хотя он всеми силами пытался защитить его с того самого дня, когда перед ним вновь предстала Кристина, которую он знал еще совсем маленькой. При виде ее Рауля охватило сладостное волнение, от которого он по зрелом размышлении хотел было избавиться, ибо, испытывая уважение к себе и своей вере, поклялся, что будет любить лишь ту, кто станет его женой, и, разумеется, ни на мгновение не мог подумать, что женится на певице; однако на смену сладостному волнению пришло ужасное ощущение. Ощущение? Чувство? Трудно сказать: было тут что-то и физическое, и нравственное. Он испытывал боль в груди, словно ее раскрыли, чтобы забрать у него сердце. Ощущал там страшную пустоту, самую настоящую, заполнить которую могло только другое сердце! Таковы симптомы совершенно особого психологического состояния, которые, похоже, могут понять лишь те, кого любовь сразила наповал, нанесла неожиданный удар, именуемый в обыденной жизни «любовь с первого взгляда».

Граф Филипп, по-прежнему улыбаясь, с трудом поспевал за ним.

Миновав в глубине сцены сдвоенную дверь, которая открывается на ступени, ведущие в фойе, и на те, что ведут к гримерным в левом крыле первого этажа, Рауль вынужден был остановиться перед маленькой группой мышек, которые, спустившись в эту минуту со своего чердака, загородили проход, куда он намеревался ринуться. Немало приятных слов было сказано в его адрес накрашенными губками, но он и не думал отвечать. Наконец ему удалось пройти, и он углубился в полумрак коридора, гудевшего от восхищенных возгласов восторженных почитателей. Одно имя перекрывало все шумы: «Дое! Дое!»

Следовавший за Раулем граф говорил себе: «Проказник знает дорогу!» – и задавался вопросом, каким образом он ее узнал. Сам он ни разу не приводил Рауля к Кристине. Тот, надо полагать, приходил сюда один, пока граф, по своему обыкновению, оставался поболтать в фойе с Сорелли, часто просившей его побыть с ней до ее выхода на сцену, а иногда, из пристрастия к тиранству, отдававшей ему на хранение маленькие гетры, в которых она спускалась из гримерной, дабы обеспечить блеск своих атласных туфелек и безупречную чистоту трико. У Сорелли было извинение: она потеряла мать.

Итак, граф, отложив на несколько минут визит к Сорелли, следовал по коридору, который вел к Дое, отметив, что никогда еще не толпилось там столько посетителей, как в тот вечер, когда весь театр, казалось, был потрясен успехом артистки и ее обмороком. Ибо прелестное дитя все еще не приходило в сознание, и потому послали за доктором театра, который наконец прибыл, пробравшись сквозь взволнованные группы. За ним, не отставая ни на шаг, шел Рауль.

Таким образом, врач и влюбленный одновременно оказались рядом с Кристиной, от одного получившей первую помощь и открывшей глаза на руках у другого. Граф вместе со всеми остальными остался в дверях, где началась давка.

– Вам не кажется, доктор, что этим господам следует освободить гримерную? – спросил Рауль с невероятной смелостью. – Здесь нечем дышать.

– Вы совершенно правы, – согласился доктор и выставил за дверь всех, за исключением Рауля и горничной.

Та раскрыла глаза от удивления. Никогда прежде она его не видела.

Однако не решилась ни о чем расспрашивать.

А доктор вообразил, что если молодой человек поступал так, значит, имел на это право. И виконт остался в гримерной, созерцая возвращавшуюся к жизни Дое, в то время как даже оба директора, господин Дебьенн и господин Полиньи, явившиеся выразить восхищение своей подопечной, были вытеснены в коридор вместе с чернофрачниками.

Граф де Шаньи, выброшенный, как и все остальные, в коридор, громко смеялся.

– Ах, проказник! Ах, проказник! – И мысленно добавил: «Вот и доверяй после этого юнцам, изображающим из себя святую невинность!»

Граф сиял. «Сразу видно, настоящий Шаньи!» – пришел он к выводу и направился в гримерную Сорелли, но та спускалась в фойе вместе со своим маленьким табуном, дрожащим от страха, и граф, как уже говорилось, встретил ее по дороге.

А в гримерной Кристины Дое послышался тем временем ее глубокий вздох, которому вторил чей-то стон. Повернув голову, она увидела Рауля и вздрогнула. Взглянув на доктора, она улыбнулась ему, потом перевела взгляд на горничную и снова на Рауля.

– Сударь! – обратилась Кристина к последнему пока еще едва слышно. – Кто вы?

– Мадемуазель, – отвечал молодой человек, встав на одно колено и запечатлев пылкий поцелуй на руке дивы, – мадемуазель, *я тот самый маленький мальчик, который подобрал в море ваш шарф.*

Кристина опять взглянула на доктора и горничную, и все трое рассмеялись. Рауль, покраснев, встал.

– Мадемуазель, если вам угодно не узнавать меня, я хотел бы сказать вам одну вещь наедине, очень важную вещь.

– Когда мне будет лучше, сударь, хорошо?.. – Голос ее дрожал. – Вы очень любезны...

– Однако вам следует уйти, – добавил доктор с очаровательнейшей улыбкой. – Позвольте мне оказать помощь мадемуазель.

– Я не больна, – заявила вдруг Кристина с весьма странной и столь же неожиданной решимостью. Поднявшись, она торопливо провела рукой по векам. – Благодарю вас, доктор!.. Мне необходимо побыть одной. Уходите все, прошу вас, оставьте меня... У меня сегодня нервы разыгрались...

Врач пытался было протестовать, но ввиду возбужденного состояния молодой женщины счел, что лучшее средство в подобном случае – не противоречить ей ни в чем. И он вышел вместе с Раулем, который остановился в коридоре в полной растерянности.

– Сегодня я просто не узнаю ее, – заметил доктор, – обычно она такая мягкая...

На том они и расстались.

Рауль остался один. Теперь эта часть театра опустела: должно быть, в танцевальном фойе началась церемония прощания. Рауль подумал, что Дое, возможно, тоже направится туда, и стал ждать в безмолвном одиночестве. Он даже нашел благоприятную тень в углу у двери, где и спрятался. На месте сердца по-прежнему ощущалась все та же боль. Именно об этом ему хотелось без промедления поговорить с Дое.

Внезапно дверь отворилась, и он увидел горничную, которая вышла с какими-то вещами. Он остановил ее, чтобы справиться о здоровье хозяйки. Она со смехом отвечала, что та чувствует себя хорошо, но только не следует ее беспокоить, потому что Дое желает побыть одна. И горничная убежала. В воспаленном сознании Рауля вспыхнула мысль: конечно же, Дое хотела остаться одна ради него!.. Разве не сказал он ей, что желает поговорить с ней наедине, и не в том ли причина, по которой она отослала всех? Едва дыша, он приблизился к гримерной и, прикинув ухом к двери в ожидании ответа, собрался постучать. Однако рука его тут же

опустилась. Из гримерной до него донесся голос мужчины, говорившего необычайно властным тоном:

– Кристина, любите меня!

И горестный голос Кристины, в котором угадывались слезы, с дрожью отвечал:

– Как вы можете говорить мне это? *Мне! Ведь я пою только для вас!*

Рауль прислонился к стене – такой боли он еще не испытывал. Сердце, которое он считал потерянным навсегда, вернулось снова и громко стучало в груди. Весь коридор сотрясало от его ударов, оглушавших Рауля. Если сердце и дальше будет так стучать, его наверняка услышат и откроют дверь, и молодой человек будет с позором изгнан. Достойно ли это Шаньи! Слушать под дверь! Он сжал сердце двумя руками, чтобы заставить его замолчать. Но сердце – не собачья морда, и даже когда держишь морду собаки обеими руками – собаки, которая невыносимо громко лает, – ворчание ее все равно слышно.

– Вы, должно быть, очень устали? – продолжал мужской голос.

– О! Сегодня я отдала вам всю душу и осталась без сил.

– Твоя душа прекрасна, дитя мое, – снова послышался низкий голос мужчины, – и я благодарю тебя. Вряд ли найдется император, который получил бы подобный дар! *Ангелы плакали сегодня вечером.*

Рауль между тем и не думал уходить, но, опасаясь, что его могут увидеть, забился в свой темный угол, решив дожидаться там, пока мужчина выйдет из гримерной. В одно и то же время ему довелось узнать любовь и ненависть. Он понял, что любит. И хотел знать, кого ненавидит.

К его великому изумлению, дверь открылась, и Кристина Дое, закутавшись в меха и опустив на лицо вуаль, появилась одна. Она закрыла дверь, но, как отметил Рауль, не заперла ее на ключ. Кристина прошла мимо. Он даже не следил за ней, ибо взгляд его был прикован к двери, которая больше не открывалась. Коридор снова опустел. Он пересек его, открыл дверь в гримерную и тотчас закрыл ее за собой, очутившись в полной темноте. Газовый рожок погасили.

– Здесь кто-то есть! – громким голосом сказал Рауль. – Зачем прятаться? – Произнося эти слова, он по-прежнему прислонился спиной к закрытой двери.

В ответ – тьма и молчание. Рауль не слышал ничего, кроме собственного дыхания. Он наверняка не отдавал себе отчета в том, что нескромность его поведения превосходила все допустимые границы.

– Вы не выйдете отсюда, если я не позволю! – воскликнул молодой человек. – Если вы не ответите мне, значит, вы – трус! Но я сумею разоблачить вас! – И он чиркнул спичкой.

Пламя осветило гримерную. Там никого не было! Заперев предварительно дверь на ключ, Рауль зажег все лампы. Он заглянул в туалет, открыл шкафы, продолжая поиски, шарил по стенам вспотевшими руками. Ничего!

– Вот как! – сказал он вслух. – Неужели я схожу с ума?

Минут десять он стоял, прислушиваясь к шипению газа в тишине покинутой всеми гримерной; он был так влюблен, что даже не подумал украсть какую-нибудь ленту, чтобы вдыхать аромат той, кого любил.

Рауль вышел, не зная, что делает и куда идет. В какой-то момент его сумбурного шатания в лицо ему пахнуло холодным ветром. Он очутился в самом низу узкой лестницы, по которой вслед за ним спускалась процессия рабочих, склонявшихся над подобием носилок, накрытых белой простыней.

– Будьте любезны, где выход? – спросил он одного из этих мужчин.

– Вы же видите! Прямо перед вами, – ответил тот. – Дверь открыта. Но позвольте нам пройти.

Рауль машинально спросил, показывая на носилки:

– Что это?

– Это? – сказал в ответ рабочий. – Это Жозеф Бюке, которого нашли повесившимся в третьем подвальном этаже, между стропильной фермой и декорациями «Короля Лагорского». Рауль посторонился, пропуская процессию, поклонился и вышел.

Глава III,
в которой господин Дебьенн и господин Полиньи
впервые сообщают по секрету новым директорам
Оперы господину Арману Моншармену и господину
Фирмену Ришару истинную, но таинственную причину
своего ухода из Национальной академии музыки

Тем временем началась церемония прощания.

Я уже упоминал, что это великолепное торжество устроено было по случаю ухода из Оперы господина Дебьенна и господина Полиньи, которые пожелали умереть, как принято говорить сегодня, красиво.

В осуществлении этой безупречной похоронной программы им помогали все, кто что-нибудь значил в ту пору в парижском обществе и искусстве.

И весь этот люд должен был собраться в танцевальном фойе, где Сорелли с бокалом шампанского в руке и заученной коротенькой речью ожидала отставных директоров. Позади нее теснились молодые и старые подружки из кордебалета, одни тихонько обсуждали события дня, другие незаметно подавали условные знаки своим друзьям, говорливая толпа которых окружила буфет, расположившийся на покатых подмостках между воинственным и сельским танцами господина Буланже.

Некоторые танцовщицы уже облачились в городские наряды; большинство же оставалось в легких газовых юбках; но все они почитали своим долгом принять соответствующее обстоятельствам выражение лица. Одна лишь крошка Жамм, чьи пятнадцать весен – счастливый возраст! – казалось, уже забыли беспечно и о Призраке, и о смерти Жозефа Бюке, не переставала тараторить, болтать, подпрыгивать, подшучивать, так что, когда господин Дебьенн и господин Полиньи показались на ступенях танцевального фойе, ее сурово призвала к порядку сгоравшая от нетерпения Сорелли.

Все отметили: вид у отставных директоров был веселый, что в провинции никому не показалось бы естественным, зато в Париже это сочли проявлением очень хорошего вкуса. Никогда не стать парижанином тому, кто не научится скрывать скорбь под маской радости и набрасывать черную полумаску грусти, скуки или безразличия на тайное ликование! Если вы узнаете, что у кого-то из ваших друзей неприятности, не пытайтесь его утешить – он скажет, что уже утешился; если же у вашего друга случилось радостное событие, воздержитесь от поздравлений – выпавшая удача кажется ему вполне естественной, и он удивится, когда вы заговорите об этом.

Париж – это нескончаемый бал-маскарад, и такие «сведущие» люди, как господин Дебьенн и господин Полиньи, ни за что не совершили бы ошибки, да к тому же в танцевальном фойе, показав свою печаль, которая, несомненно, была истинной. И они вовсе уже улыбались Сорелли, произносившей приветственную речь, когда восклицание этой сумасшедшей дурочки Жамм смело директорскую улыбку столь неожиданным образом, что взорам присутствующих открылись прятавшиеся под ней лики безутешной тоски и страха.

– Призрак Оперы!

Жамм выкрикнула эту фразу с невыразимым ужасом в голосе, указав пальцем на затерявшееся среди толпы черных фраков мертвенно-бледное лицо, до того мрачное и безобразное, с черными провалами глазниц до того глубокими, что череп, на который указали таким образом, немедленно возымел бешеный успех.

– Призрак Оперы! Призрак Оперы!

Все смеялись, толкали друг друга, желая предложить выпить Призраку Оперы, но тот уже скрылся! Он проскользнул в толпе, и напрасно все кинулись искать его, пока два старых господина пытались успокоить крошку Жамм, а крошка Жири кричала как оглашенная.

Сорелли была в ярости; ей не удалось закончить свою речь; поцеловав и поблагодарив ее, господин Дебьенн и господин Полиньи исчезли столь же быстро, как и Призрак. Никто этому не удивился, ибо все знали, что точно такая же церемония предстояла им этажом выше, в музыкальном фойе, и что наконец они в последний раз собирались принять своих близких друзей в большом вестибюле директорского кабинета, где тех ожидал настоящий ужин.

Там-то мы и встретимся с ними вновь, равно как и с новыми директорами господином Арманом Моншарменом и господином Фирменом Ришаром.

Первые едва знали вторых, что отнюдь не помешало им рассыпаться в громогласных выражениях дружеских чувств, а те в ответ не скупились на комплименты; таким образом, приглашенные, с опаской ожидавшие несколько унылого вечера, тут же возрадовались. Ужин прошел почти весело, и прозвучал не один тост, причем представитель от правительства проявил такую небывалую ловкость, объединив славу прошлого с успехами будущего, что вскоре среди гостей воцарилось редкостное воодушевление. Передача директорских полномочий произошла накануне с предельной простотой, вопросы, которые оставалось урегулировать между бывшей и новой дирекцией, разрешились под руководством правительственного представителя в обстановке величайшего стремления к согласию и с той, и с другой стороны, так что, по правде говоря, в тот достопамятный вечер нечего было удивляться при виде четырех улыбающихся директорских лиц.

Господин Дебьенн и господин Полиньи уже вручили господину Арману Моншармену и господину Фирмену Ришару два крохотных ключика-отмычки, открывавших все двери Национальной академии музыки, а их несколько тысяч. И тотчас эти маленькие ключики, предмет всеобщего любопытства, стали передавать из рук в руки, однако внимание кое-кого из гостей отвлекло сделанное ими открытие: в конце стола они заметили странное мертвенно-бледное, фантастическое лицо с запавшими глазами, то самое, которое уже появлялось в танцевальном фойе и было встречено резким криком крошки Жамм: «Призрак Оперы!»

Он сидел, будто самый обычный гость, если не считать того, что он ничего не ел и не пил.

Те, кто поначалу взирал на него с улыбкой, в конце концов попросту отвернулись, ибо это видение незамедлительно настраивало мысли на мрачный лад. Никому и в голову не пришло возобновить шутку, прозвучавшую в фойе, никто не вздумал кричать: «Вот он, Призрак Оперы!»

Он не произнес ни слова, и даже его соседи не смогли бы сказать, в какой именно момент он пришел и сел там, но каждый решил, что если усопшие возвращаются порой, чтобы присесть за стол живых, то и у них вряд ли могли бы оказаться более жуткие лица.

Друзья господина Фирмена Ришара и господина Армана Моншармена полагали, что этот изможденный гость – один из близких господина Дебьенна и господина Полиньи, в то время как друзья господина Дебьенна и господина Полиньи решили, что этот мертвец принадлежит к окружению господина Ришара и господина Моншармена. А посему загробному пришельцу нечего было опасаться требования объяснений либо неприятного замечания, а то и грубой шутки дурного вкуса. Те, кто слышал легенду о Призраке и знал его описание, сделанное старшим машинистом сцены, – никто из них пока не ведал о смерти Жозефа Бюке, – думали про себя, что человек в конце стола вполне мог бы сойти за живое воплощение персонажа, возникшего, по их мнению, благодаря неискоренимому суеверию персонала Оперы. А между тем, согласно легенде, у Призрака не было носа, в то время как у этого персонажа таковой имелся, хотя господин Моншармен утверждает в своих мемуарах, что нос гостя казался прозрачным. «Нос его, – говорит он, – был длинным, тонким и прозрачным»; добавлю от себя, что это

мог быть и фальшивый нос. За прозрачность господин Моншармен мог принять то, что всего-навсего блестело. Всем известно: наука обеспечивает восхитительными фальшивыми носами тех, кто лишен их от природы либо вследствие какой-то операции. Действительно ли в ту ночь Призрак явился на директорский банкет без приглашения? И можем ли мы быть уверены, что это лицо в самом деле принадлежало Призраку Оперы? Кто осмелится утверждать такое? И если я упоминаю об этом инциденте, то вовсе не потому, что желаю хоть на секунду заставить поверить читателя или, по крайней мере, попытаться заставить его поверить, что Призрак способен был на столь неслыханную дерзость, но потому, что, в сущности, такая вещь вполне допустима.

И вот, как мне кажется, достаточное тому доказательство. Господин Арман Моншармен все в тех же мемуарах пишет в главе XI буквально следующее:

«Когда я думаю об этом первом вечере, то не могу отделить признание, сделанное нам господином Дебьенном и господином Полиньи в их кабинете, от присутствия на нашем ужине призрачного персонажа, которого никто из нас не знал».

Вот как все в точности произошло.

Господин Дебьенн и господин Полиньи, сидевшие в середине, еще не успели заметить человека с черепом вместо головы, а тот вдруг решил заговорить.

– Мышки правы, – заявил он. – Смерть бедняги Бюке, возможно, совсем не так естественна, как полагают некоторые.

Дебьенн и Полиньи подскочили.

– Бюке умер? – воскликнули они.

– Да, – спокойно ответил человек или тень человека. – Сегодня вечером его нашли повесившимся в третьем подвальном этаже, между стропильной фермой и декорациями «Короля Лагорского».

Оба директора или, вернее, бывших директора тотчас встали, пристально глядя на своего собеседника. Они разволновались сверх всякой меры, то есть не в меру того волнения, какое может вызвать известие о повешении старшего машиниста сцены. Переглянувшись, оба побледнели, став блее скатерти. Наконец Дебьенн подал знак господину Ришару и господину Моншармену, Полиньи в нескольких словах извинился перед гостями, и все четверо направились в директорский кабинет.

Предоставляю слово господину Моншармену.

«Господин Дебьенн и господин Полиньи проявляли все большее беспокойство, и нам показалось, будто они хотят о чем-то поведать, о чем-то таком, что сильно их смущает. Прежде всего они спросили нас, знаем ли мы человека, сидевшего в конце стола, который сообщил им о смерти Жозефа Бюке, и после того, как мы ответили отрицательно, еще больше разволновались. Они взяли у нас из рук ключики-отмычки и, внимательно оглядев их, покачали головой, затем посоветовали сделать новые замки – причем при соблюдении полнейшей тайны – в апартаментах, кабинетах и прочих помещениях, которые мы сочтем необходимым запирать наглухо. При этом они выглядели так странно, что мы со смехом спросили: неужели в Опере есть воры? Они ответили, что есть кое-кто похуже – *призрак*. Мы опять рассмеялись, полагая, что они затеяли какую-то шутку, которой должен был завершиться этот маленький дружеский праздник. По их просьбе мы снова обрели «серьезность», решив войти в такого рода игру, дабы доставить им удовольствие. Они сказали, что никогда не заговорили бы с нами о Призраке, если бы не получили формальный приказ самого Призрака убедить нас проявить любезность в отношении него и предоставить ему все, что он у нас попросит. Однако, чрезвычайно обрадовавшись возможности покинуть места, где безраздельно властвует эта тираническая тень, и разом избавиться от всего, они колебались до самого последнего момента, не решаясь посвятить нас в столь странную историю, к восприятию которой наши скептически настроенные умы вовсе не были подготовлены, но тут известие о смерти Жозефа Бюке сурово напомнило

им о том, что всякий раз, как они осмеливались пойти наперекор желаниям Призрака, некое фантастическое или роковое событие живо возвращало их к ощущению полной своей зависимости.

Во время этих неожиданных речей, произносимых тоном строжайшей секретности и чрезвычайной важности, я не сводил глаз с Ришара. Господин Ришар в бытность свою студентом слыл великим шутником, иными словами, в совершенстве владел несметным количеством способов насмехаться над другими: консьержки бульвара Сен-Мишель прекрасно об этом знали. И потому он, судя по всему, буквально наслаждался поданным ему угощением, стараясь не потерять ни крошки, хотя приправа была несколько мрачноватой по причине смерти Бюке. Внимая их рассказу, он с грустью качал головой, и постепенно выражение его лица становилось жалостливым, как у человека, глубоко сочувствующего, – ну как же, в деле, оказывается, замешан Призрак Оперы. Я не мог придумать ничего лучшего, как в точности копировать эту отчаянную безысходность. Между тем, несмотря на все наши усилия, под конец мы не выдержали и прыснули со смеху прямо в лицо господину Дебьенну и господину Полиньи. При виде того, как мы без всякого перехода сменили мрачное выражение лиц на безудержную веселость, те повели себя так, будто поверили, что мы тронулись умом.

Однако шутка немного затянулась, и Ришар нерешительно спросил:

– Но чего же все-таки хочет этот Призрак?

Господин Полиньи направился к своему письменному столу и вернулся с копией договорных условий.

Договорные условия начинаются такими словами: «Дирекции Оперы вменяется в обязанность проводить спектакли в Национальной академии музыки с должным блеском, приличествующим первой французской лирической сцене», и заканчиваются статьей 98, составленной следующим образом: «Это преимущественное право может быть отменено в случае: 1. Если директор не выполнит распоряжений, предписанных договорными условиями».

Далее следуют распоряжения.

Копия эта была написана черными чернилами и полностью соответствовала той, какая была у нас.

Однако мы заметили, что договорные условия, представленные нам господином Полиньи, содержали *in fine*⁵ один абзац, написанный красными чернилами, причем странным неровным почерком, как будто слова были начертаны кончиками спичек, – почерком ребенка, который все еще выводит палочки, не научившись пока соединять их в буквы. В этом абзаце, неправомерно удлинявшем статью 98, говорилось буквально следующее:

«5. Если директор задержит больше чем на две недели ежемесячное вознаграждение, которое он обязан выплачивать Призраку Оперы; вплоть до нового распоряжения месячная плата устанавливается в размере 20 000 франков – 240 000 франков в год».

Господин де Полиньи неуверенно показал нам пальцем на этот последний пункт, для нас, разумеется, неожиданный.

– Это все? Ничего другого он не хочет? – с величайшим хладнокровием спросил Ришар.

– Ну как же! – возразил Полиньи. Еще раз перелистав договорные условия, он прочитал: – «Статья 63. Большая литерная ложа справа под номером один резервируется на всех спектаклях для главы государства. Ложа бенуара под номером двадцать по понедельникам и литерная ложа первого яруса под номером тридцать по средам и пятницам предоставляются в распоряжение министра. Ложа второго яруса под номером двадцать семь ежедневно резервируется для нужд префектов департамента Сена и полиции».

---

⁵ В конце (*лат.*).

И опять в конце этой статьи господин Полиньи показал нам строчку, добавленную красными чернилами: *«Ложка первого яруса под номером пять на все представления отдается в распоряжение Призрака Оперы».*

После этого нам оставалось лишь встать и горячо пожать руки двух наших предшественников, поздравив их с изобретением очаровательной шутки, лишней раз доказывавшей, что старинная приверженность французов к веселью по-прежнему остается в силе. Ришар счел даже своим долгом добавить, что теперь он понимает, почему господин Дебьенн и господин Полиньи покидают дирекцию Национальной академии музыки. С таким требовательным призраком невозможно больше вести дела.

– Еще бы, – не моргнув, согласился господин Полиньи, – 240 000 франков на дороге не валяются. А представляете, во что может обойтись резервирование для Призрака ложки номер пять на все представления! И это не считая того, что нам пришлось вернуть деньги за абонирование, ужас! В самом деле, стоит ли работать, чтобы содержать какого-то призрака!.. Мы предпочитаем уйти!

– Да, – подхватил господин Дебьенн, – мы предпочитаем уйти! Пошли! – И он встал.

– Но в конце-то концов, – заметил Ришар, – мне кажется, вы прекрасно ладите с этим призраком. Если бы у меня завелся такой же обременительный призрак, я без колебаний велел бы его арестовать.

– Но где? Но как? – воскликнули те в один голос. – Мы никогда его не видели!

– А когда он приходит в свою ложу?

– *Мы ни разу не видели его в ложе.*

– В таком случае сдайте ее.

– Сдать ложу Призрака Оперы! Что ж, господа, попробуйте!

С этими словами мы все четверо вышли из директорского кабинета. Никогда в жизни ни я, ни Ришар так не смеялись».

Глава IV

Ложа номер пять

Арман Моншармен написал столь объемистые мемуары, что мы вправе задаться вопросом, особенно в отношении довольно длительного периода его совместного с господином Ришаром руководства театром: оставалось ли у него хоть какое-то время заниматься делами Оперы, а не только рассказывать, что там происходит? Господин Моншармен не знал ни одной музыкальной ноты, зато был на «ты» с министром образования и изящных искусств, немного занимался бульварной журналистикой и владел довольно большим состоянием. Наконец, это был очаровательный человек, далеко не лишенный ума, раз, решившись финансировать Оперу, он сумел выбрать того, кто действительно смог бы принести пользу в качестве директора, и направился прямо к Фирмену Ришару.

Фирмен Ришар был известным музыкантом и галантным мужчиной. Вот портрет, который в момент его вступления в должность дает журнал «Ревю де театр»:

«Господину Фирмену Ришару где-то около пятидесяти лет. Высокого роста, с крепкой шеей, без лишней полноты, он обладает прекрасными манерами, густые волосы подстрижены бобриком, борода – под стать волосам, несколько печальное выражение лица с ярким румянцем смягчаются прямым, открытым взглядом и прелестной улыбкой.

Господин Фирмен Ришар – очень известный музыкант, искусный специалист в области гармонии, мастер полифонии. Величие – вот основная черта его сочинений. Он автор камерной музыки, получившей высокую оценку ее любителей, музыки для фортепьяно, исполненных оригинальности сонат и фуг, а также сборника романсов. Наконец, в «Смерти Геркулеса», которую можно услышать на концертах в консерватории, ощущается могучая эпическая сила, напоминающая Глюка, одного из самых почитаемых господином Фирменом Ришаром мастеров. Однако, обожая Глюка, ничуть не меньше он любит и Пиччини; господин Ришар ничего не упустит. Восторгаясь Пиччини, он преклоняется перед Мейербером, наслаждается Чимарозой, и никто лучше его не сможет оценить неподражаемый гений Вебера. Наконец, в отношении Вагнера господин Ришар готов утверждать, что он, Ришар, первый во Франции и, возможно, единственный, кто его понял».

На этом я заканчиваю цитату, из коей, как мне думается, явствует, что если господин Фирмен Ришар любит, можно сказать, едва ли не всю музыку и всех музыкантов, то и все музыканты обязаны почитать своим долгом любить господина Фирмена Ришара. В заключение этого наскоро набросанного портрета добавим, что господин Ришар был, как принято говорить, человеком властным, то есть обладал прескверным характером.

В первые дни, проведенные компаньонами в Опере, их окрыляло радостное сознание того, что они – хозяева столь обширного и прекрасного предприятия, и оба наверняка не вспоминали о весьма забавной и странной истории с призраком, пока не произошло событие, которое доказало им, что шутка – если то была шутка – продолжается.

В то утро господин Фирмен Ришар явился в свой кабинет в одиннадцать часов. Его секретарь господин Реми показал ему полдюжины писем, которые он не распечатывал, так как на них стояла пометка «лично». Одно из таких писем сразу же привлекло внимание Ришара не только потому, что надпись на конверте была сделана красными чернилами, но еще и потому, что, как ему показалось, он уже где-то видел этот почерк. Вспоминать пришлось недолго: таким же почерком и красными чернилами были странным образом дополнены договорные условия. Он узнал детскую манеру письма палочками. Распечатав конверт, господин Ришар прочитал следующее:

«Дорогой директор, прошу прощения за вторжение в столь драгоценные для вас минуты, когда решается судьба лучших артистов Оперы, когда вы возобновляете важные ангажементы и заключаете новые; и все это с поразительно точным видением, пониманием театра, знанием публики и ее вкусов, авторитетом, который, признаюсь, изумил меня, несмотря на мой немалый опыт.

Я знаю о том, что вы сделали для Карлотты, Сорелли и крошки Жамм да и некоторых других, чьи восхитительные качества, талант и гений вы сумели разгадать. (Вы, надеюсь, понимаете, кого я имею в виду, когда пишу эти слова; ну разумеется, речь не о Карлотте, которая так фальшивит, ей никогда не следовало бы покидать ни театр «Амбассадёр», ни кафе «Жакен»; и не о Сорелли, которая может похвастаться разве что телосложением; и не о крошке Жамм, которая танцует как корова на льду. И конечно же, не о Кристине Дое, чей гений бесспорен, хотя вы почему-то стремитесь держать ее подальше от любых значительных ролей.) В конце концов, вы вольны управлять своим маленьким дельцем, как вам вздумается, не так ли?

Однако я желал бы воспользоваться тем, что вы пока не выставили Кристину Дое за дверь, и послушать ее сегодня вечером в роли Зибеля, раз уж роль Маргариты после ее триумфа в тот знаменательный день для нее недоступна. Кроме того, я просил бы вас не располагать моей ложей ни сегодня, ни в последующие дни, ибо не могу закончить это письмо, не признавшись вам, как неприятно удивляло меня в последнее время одно обстоятельство: приходя в Оперу, я узнавал, что моя ложа занята, билеты продавались через кассу – по вашему распоряжению.

Я не выражал ни малейшего возмущения прежде всего потому, что являюсь противником любого скандала, и еще потому, что вообразил, будто ваши предшественники, господин Дебьенн и господин Полиньи, которые всегда были чрезвычайно любезны со мной, забыли перед своим уходом сообщить вам о моих маленьких причудах. Так вот, я только что получил ответ от господина Дебьенна и господина Полиньи на мою просьбу о разъяснениях, ответ, который свидетельствует о том, что вы в курсе моих договорных условий и, следовательно, грубо насмехаетесь надо мной.

Если вы хотите, чтобы мы жили в мире, не следует с самого начала лишать меня моей ложи! С такими мелкими оговорками соблаговолите рассматривать меня, дорогой директор, как вашего смиреннейшего и покорнейшего слугу.

П. Оперы».

Письмо сопровождалось выдержкой из коротких сообщений «Ревю театраль», где значилось следующее:

«П. О.: Р. и М. нет оправданий. Мы предупредили их и оставили им ваши договорные условия. Всего хорошего!»

Едва господин Фирмен Ришар закончил чтение этого письма, как дверь его кабинета распахнулась и появился направлявшийся к нему с письмом в руке господин Арман Моншармен – таким же точно письмом, какое получил его коллега. Переглянувшись, они расхохотались.

– Шутка продолжается, – заметил господин Ришар, – но это уже не смешно!

– Что это означает? – спросил господин Моншармен. – Неужели они думают, что раз они были директорами Оперы, то мы навсегда бесплатно предоставим им ложу?

Ибо как у первого, так и у второго ни на секунду не возникало сомнения, что двойное послание было плодом шутивого сотрудничества их предшественников.

– Я не намерен позволять долго дурачить меня! – заявил Фирмен Ришар.

– Но это безобидно! – возразил Арман Моншармен.

– Чего же они все-таки хотят? Ложу на сегодняшний вечер?

Господин Фирмен Ришар отдал распоряжение своему секретарю отправить господину Дебьенну и господину Полиньи билеты в ложу номер пять первого яруса, если она еще не занята.

Она оказалась свободной.

Билеты тут же отправили господину Дебьенну и господину Полиньи: первый жил на углу улицы Скриба и бульвара Капуцинок; второй – на улице Обера. Оба письма Призрака Оперы были сданы на почту бульвара Капуцинок. Это обнаружил Моншармен, изучая конверты.

– Ты же видишь! – воскликнул Ришар.

Они пожали плечами, сожалея, что люди столь почтенного возраста все еще развлекаются, забавляясь невинными играми.

– Однако можно быть и повежливее! – не удержался Моншармен. – Видел, как они третируют нас в связи с Карлоттой, Сорелли и крошкой Жамм?

– Что ж, дорогой, эти люди заболели от зависти!.. Как подумаешь, до чего они дошли: поместить сообщение в «Ревю театраль»!.. Неужели им нечего больше делать?

– Кстати! – заметил Моншармен. – Они, похоже, очень интересуются малюткой Кристиной Дое...

– Ты знаешь не хуже меня, что у нее безупречная репутация! – ответил Ришар.

– Репутация часто бывает обманчивой, – возразил Моншармен. – Разве за мной не закрепились репутация ценителя музыки, хотя я не знаю разницы между ключом соль и ключом фа?

– Никогда у тебя не было такой репутации, – заявил Ришар, – успокойся.

Затем Фирмен Ришар отдал распоряжение привратнику впустить артистов; те уже два часа расхаживали по длинному коридору, дожидаясь, пока откроется директорская дверь, та самая дверь, за которой их ждут слава и деньги или увольнение.

Весь день прошел в спорах, переговорах, подписывании и разрывании контрактов; так что поверьте: в тот вечер – вечер двадцать пятого января – наши два директора, измучившись за этот жестокий день, исполненный гнева, интриг, угроз, советов, заверений в любви или ненависти, легли рано, даже не заглянув в ложу номер пять, чтобы узнать, понравился ли спектакль господину Дебьенну и господину Полиньи.

После ухода прежних директоров Опера отнюдь не простаивала, и господин Ришар распорядился осуществить некоторые необходимые работы, не нарушая порядка спектаклей.

На следующее утро господин Ришар и господин Моншармен обнаружили в своей почте благодарственную открытку от Призрака, составленную таким образом:

«Дорогой директор!

Спасибо. Прелестный вечер. Дое восхитительна. Последите за хором.

Карлотта – великолепный, но банальный инструмент.

Вскоре напишу вам по поводу 240 000 фр., точнее – 233 424 фр. 70 сант., так как господин Дебьенн и господин Полиньи передали мне 6575 фр. 30 сант., составляющих плату за первые десять дней этого года, – их права кончились вечером десятого числа.

Ваш покорный слуга

П. О.».

И письмо от господина Дебьенна и господина Полиньи:

«Господа!

Мы благодарим вас за ваше любезное внимание, но вы наверняка поймете, что возможность еще раз услышать «Фауста», сколь сладостна ни была бы она для бывших директоров Оперы, не заставит забыть нас, что мы не имеем ни малейшего права занимать ложу номер пять первого яруса; такое исключительное право принадлежит тому, о ком мы имели случай сообщить вам, перечитывая в последний раз вместе с вами договорные условия, – последний абзац статьи 63.

Примите, господа, наши уверения и пр.».

– Эти люди начинают действовать мне на нервы! – гневно заявил Фирмен Ришар, хватая письмо господина Дебьенна и господина Полины.

В тот вечер билеты в ложу номер пять были проданы.

На другой день, придя в свои кабинеты, господин Ришар и господин Моншармен нашли донесение инспектора относительно событий, имевших место накануне вечером в ложе номер пять.

Вот основной, немногословный кусок этого донесения:

«Сегодня вечером, – инспектор писал свое донесение накануне вечером, – я вынужден был обращаться за помощью к муниципальному дежурному дважды – в начале и в середине второго акта, – чтобы вывести зрителей, занимавших ложу первого яруса под номером пять. Они явились к началу второго акта и создавали поистине скандальную обстановку своими смешками и нелепыми замечаниями. Вокруг них со всех сторон слышалось шиканье, зал начал возмущаться, и тогда билетерша пришла за мной; войдя в ложу, я сказал все, что следовало. Однако люди эти, казалось, были не в своем уме и вели глупые речи. Я предупредил их, что, если подобный скандал повторится, я буду вынужден освободить ложу. Как только я вышел, снова послышались смешки и возмущенные протесты в зале. Я вернулся с муниципальным дежурным, который вывел их. Они возражали, со смехом заявляя, что не уйдут, пока им не вернут деньги. Наконец они успокоились, и я позволил им войти в ложу; но тотчас же снова начались смешки, на этот раз я распорядился окончательно удалить их».

– Пусть вызовут инспектора! – крикнул Ришар своему секретарю, который первым прочитал это донесение и уже сделал пометки синим карандашом.

Секретарь господин Реми – двадцать четыре года, тонкие усики, элегантный, изысканный, при полном параде (в те времена днем редингот был обязателен), сообразительный, но робкий в присутствии директора, 2400 годового жалованья, выплачиваемого директором, просматривает газеты, отвечает на письма, распределяет ложи и контрамарки, согласовывает встречи, беседует с теми, кто долго ждет приема, бежит к заболевшим артистам, ищет дублеров, общается с руководителями различных служб, но прежде всего – это барьер перед директорским кабинетом, может в любой момент оказаться выброшенным за дверь без всякой компенсации, ибо его не признает администрация, – итак, секретарь, который уже нашел инспектора, приказал впустить его.

Инспектор вошел, несколько встревоженный.

– Расскажите нам, что произошло? – резким тоном сказал Моншармен.

Инспектор забормотал что-то и тут же сослался на донесение.

– Но почему все-таки эти люди смеялись? – спросил Моншармен.

– Господин директор, они, верно, отлично поужинали и больше расположены были шутить, нежели слушать хорошую музыку. Да вот, судите сами: едва войдя в ложу, они сразу же вышли оттуда и позвали билетершу. Та спросила, в чем дело. Они сказали ей: «Загляните в ложу, там действительно никого нет?..» – «Нет», – ответила билетерша. «Так вот, – заявили они, – когда мы пришли, то услышали чей-то голос, говоривший, что там кто-то есть».

Господин Моншармен не мог без улыбки смотреть на господина Ришара, но господин Ришар и не думал улыбаться. Раньше ему слишком часто доводилось «работать» в подобном

жанре, чтобы в рассказе инспектора, излагавшего события наивнейшим образом, не распознать все признаки одной из тех злых шуток, которые поначалу забавляют людей, ставших их жертвами, но в конце концов приводят их в ярость.

Желая угодить улыбавшемуся господину Моншармену, инспектор счел своим долгом тоже изобразить улыбку. Злосчастная улыбка! Взгляд господина Ришара испепелил служащего, который тотчас поспешил придать своему лицу страшно огорченное выражение.

– И все-таки, – ворчливо спросил грозный Ришар, – когда эти люди пришли, в ложе действительно никого не было?

– Никого, господин директор! Никого! Ни в ложе справа, ни в ложе слева – никого, клянусь вам! Я готов руку дать на отсечение! Именно это и доказывает, что речь идет всего лишь о шутке.

– А билетерша, что говорит билетерша?

– О! С ней все ясно, она говорит, что это *Призрак Оперы*. Так что сами понимаете! – Инспектор усмехнулся. И опять сразу же понял, что напрасно усмехался, ибо едва он успел произнести слова: «она говорит, что это Призрак Оперы», как мрачная физиономия господина Ришара приобрела свирепый вид.

– Пусть найдут мне билетершу! – приказал он. – Немедленно! И пусть приведут ее сюда! И чтобы сейчас же всех выставили за дверь!

Инспектор хотел было возразить, но Ришар закрыл ему рот грозным окриком: «Молчите!» Затем, когда губы несчастного подчиненного сомкнулись, казалось, навеки, господин директор приказал, чтобы они снова раскрылись.

– Что это еще за Призрак Оперы? – решился спросить он ворчливым тоном.

Но инспектор был уже не в состоянии вымолвить ни слова. Отчаянной мимикой он дал понять, что ничего не знает, или, вернее, ничего не хочет знать.

– Вы-то сами видели этого Призрака Оперы?

Энергично замотав головой, инспектор тем самым отрицал, что когда-либо видел его.

– Тем хуже! – холодно заявил господин Ришар.

Инспектор широко раскрыл глаза, глаза его просто вылезали из орбит, вопрошая, почему господин директор произнес это зловещее: «Тем хуже!»

– Потому что я рассчитаю всех, кто его не видел! – пояснил господин директор. – Раз он всюду, совершенно недопустимо, чтобы его нигде не замечали. Я хочу, чтобы люди выполняли свою работу!

Глава V

Продолжение главы «Лож номер пять»

Сказав это, господин Ришар, не обращая больше на инспектора ни малейшего внимания, стал обсуждать разные дела с только что вошедшим администратором.

Инспектор решил, что может уйти, и тихонечко, с величайшей осторожностью – ах, боже мой, с какой осторожностью! – пятясь, приблизился к двери, но господин Ришар, заметив этот маневр, пригвоздил его к месту громовым окриком: «Останьтесь!»

Господин Реми послал за билетершей, которая работала к тому же консьержкой на улице Прованс, в двух шагах от Оперы. Она вскоре явилась.

– Как вас зовут?

– Мадам Жири. Да вы меня знаете, господин директор, я – мать крошки Жири, то есть малютки Мег! – Это было сказано суровым и торжественным тоном и на мгновение произвело впечатление на господина Ришара.

Он внимательно оглядел мадам Жири (выцветшая шаль, стоптанные туфли, старое платье из тафты, шляпа цвета сажи). Судя по поведению господина директора, стало совершенно очевидно, что он вовсе не знает или не помнит ни мадам Жири, ни крошку Жири, ни даже малютку Мег! Но гордыня мадам Жири была такова, что эта знаменитая билетерша (думается, от ее имени пошло словечко, хорошо известное на закулисном жаргоне: «жири» – кривлянье), так вот, повторяем, эта самая билетерша воображала, будто ее все знают.

– Я вас не знаю! – заявил в конце концов господин директор. – Тем не менее, мадам Жири, мне очень хотелось бы узнать, что произошло вчера вечером, если вы были вынуждены, вы и господин инспектор, обратиться за помощью к муниципальному дежурному...

– Я как раз хотела повидаться с вами, господин директор, и поговорить об этом, чтобы, не дай бог, и у вас не вышло неприятностей, как у господина Дебьенна и господина Полиньи. Они тоже поначалу не хотели меня слушать...

– Я вас об этом не спрашиваю. Я только спрашиваю, что случилось вчера вечером!

Мадам Жири покраснела от возмущения. С ней никогда не разговаривали подобным тоном. Она встала, словно собираясь уйти, и уже подобрала складки своей юбки, с достоинством покачивая перьями на шляпе цвета сажи, но, передумав, снова села и надменно заявила:

– Случилось то, что опять досаждали Призраку!

И так как господин Ришар готов был взорваться, вмешался господин Моншармен и сам повел допрос, из которого стало ясно, что мадам Жири считает вполне естественным, когда в ложе, где никого нет, раздается чей-то голос и заявляет, будто там кто-то есть. Она не могла объяснить это явление, для нее, впрочем, далеко не новое, иначе, как вмешательством Призрака. Этого Призрака в ложе никто не видел, зато все могли его слышать. Сама она часто его слышала, а уж ей-то можно верить, ибо она никогда не лжет. Можно спросить у господина Дебьенна и господина Полиньи, а также у всех, кто ее знает, и еще у господина Исидора Саака, которому Призрак сломал ногу!

– Неужели? – прервал ее Моншармен. – Призрак сломал ногу несчастному Исидору Сааку?

Мадам Жири вытаращила глаза, в которых отражалось удивление, охватившее ее при виде столь вопиющего невежества. Но она согласилась-таки просветить двух несчастных простаков. Случилось это в бытность директорами господина Дебьенна и господина Полиньи все в той же ложе номер пять и тоже во время представления «Фауста». Мадам Жири откашливается, прочищает голос, собирается начать... Можно подумать, что она готовится спеть все сочинение Гуно.

– Так вот, сударь. В тот вечер в первом ряду сидели господин Маньера со своей супругой, торговцы драгоценными камнями с улицы Могадор, а за госпожой Маньера – их близкий друг, господин Исидор Саак. Мефистофель поет (мадам Жири напевает):

Выходи, о друг мой нежный:
Бил свиданья час!
Сон свой детский, безмятежный
Отгони от глаз!

И тут господин Маньера слышит у своего правого уха (его жена сидела слева) голос: «Ха! Ха! Жюли-то не спит!» (А его супругу зовут как раз Жюли.) Господин Маньера поворачивается вправо, чтобы посмотреть, кто с ним говорит. Никого! Потирая уши, он думает про себя: «Неужели я сплю?» А Мефистофель тем временем продолжает свою серенаду... Может, я наскучила господам директорам?

– Нет-нет! Продолжайте...

– Господа директора чересчур добры! – Жеманная улыбка мадам Жири. – Итак, Мефистофель продолжает свою серенаду, – мадам Жири поет:

Сквозь аккорды струн певучих
Слышен сердца стон:
Поцелуев твоих жгучих
Страстно молит он!

И тотчас господин Маньера слышит все тем же правым ухом голос: «Ха-ха! Неужели Жюли откажет Исидору в поцелуе?» Тут он поворачивается, но на этот раз в сторону своей супруги и Исидора, и что же он видит? Исидор, взяв сзади руку его жены, целует ее в маленький вырез перчатки... Вот так, господа хорошие... – Мадам Жири покрывает поцелуями кусочек тела, просвечивающий сквозь ее вязаную перчатку. – Ну вы, конечно, понимаете, что дело не кончилось добром! Хлоп! Хлоп! Господин Маньера, который был высоким и сильным, как вы, господин Ришар, закатил пару пощечин господину Исидору Сааку, который был худеньким и слабеньким – с позволения сказать, вроде господина Моншармена. Словом, вышел скандал. В зале кричали: «Довольно! Довольно!.. Он убьет его!..» Наконец господину Исидору Сааку удалось ускользнуть...

– Стало быть, Призрак не сломал ему ногу? – спросил господин Моншармен, немного обиженный тем, что его внешность произвела столь жалкое впечатление на мадам Жири.

– Он ее сломал, су-ударь! – с достоинством возразила мадам Жири (ибо она поняла оскорбительный намек). – Он начисто сломал ему ногу на *большой* лестнице, по которой тот спускался слишком быстро, су-ударь! Да так, ей-богу, что бедняга не скоро на нее встанет!..

– Это Призрак рассказал вам, какие именно слова он нашептывал в правое ухо господина Маньера? – спросил судебный следователь Моншармен все с той же серьезностью, казавшейся ему на редкость комичной.

– Нет, су-ударь, господин Маньера самолично! Таким образом...

– Но вы-то, вы уже разговаривали с Призраком, милая дама?

– Вот как сейчас с вами, мил человек...

– И что же он говорит вам, этот Призрак, когда беседует с вами?

– Просто велит принести ему скамеечку! – При этих словах, произнесенных весьма торжественно, лицо мадам Жири окаменело, стало как из желтого мрамора с красными прожилками, вроде того, из которого сделаны колонны, поддерживающие большую лестницу, – его называют сарранколенским.

На этот раз Ришар расхохотался вместе с Моншарменом и секретарем Реми, однако инспектор, наученный горьким опытом, уже не смеялся. Прислонившись к стене и лихорадочно перебирая ключи в своем кармане, он задавался вопросом, чем же кончится эта история. И чем более «надменным» становился тон мадам Жири, тем сильнее он опасался новой вспышки гнева господина директора! А мадам Жири при виде директорского веселья осмелилась принять угрожающую позу, действительно угрожающую!

– Вместо того чтобы смеяться над Призраком, – с негодованием воскликнула она, – вы бы лучше последовали примеру господина Полиньи, уж он-то самолично удостоверился...

– Удостоверился в чем? – спрашивает Моншармен, никогда в жизни так не веселившийся.

– В существовании Призрака!.. Ведь говорю же я вам. Судите сами!.. – Она внезапно успокаивается, ибо полагает, что минута наступила серьезная. – Судите сами!.. Я все помню, как будто это было вчера. На этот раз давали «Жидовку». Господин Полиньи пожелал один сидеть на представлении в ложе Призрака. Госпожа Краусс имела бешеный успех. Она только что спела, ну знаете, тот самый кусок из второго акта, – мадам Жири напевает вполголоса:

Я жить хочу с тобой и умереть,
Ни небо нас, ни ад не разлучат.

– Хорошо! Хорошо! Я знаю... – с обескураживающей улыбкой прерывает ее господин Моншармен.

Но мадам Жири продолжает вполголоса, покачивая пером на шляпе цвета сажи:

Уйдем! Уйдем! На земле, на небесах ли
Одна судьба нас ожидает.

– Да-да! Ясно! – снова в нетерпении повторяет Ришар. – А дальше? Дальше?

– А дальше вот что: ведь именно в этот момент Леопольд восклицает: «Бежим!», не так ли? А Элеазар останавливает их, спрашивая: «Куда бежите вы?» Так вот, в этот самый момент господин Полиньи, за которым я наблюдала из глубины соседней ложи, где никого не было, господин Полиньи вскочил и пошел, оцепенев, словно статуя, я едва успела спросить его, вроде Элеазара: «Куда вы?» Но он мне не ответил, а сам был бледный, как мертвец! Я следила, когда он спускался по лестнице, только он не сломал ногу... Хотя шел будто во сне, в дурном сне, даже дорогу не мог найти, а ведь ему платили как раз за то, что он хорошо знает Оперу! – Мадам Жири умолкла, дабы оценить произведенный ее словами эффект.

История с Полиньи заставила Моншармена лишь покачать головой.

– Однако из всего этого не следует, при каких обстоятельствах и каким образом Призрак Оперы попросил у вас скамеечку? – настаивал он, пристально глядя на матушку Жири, как говорится, глаза в глаза.

– Ну, с того вечера все и пошло... Потому что с того вечера его оставили в покое, нашего Призрака. Никто больше не пытался отнять у него ложу. Господин Дебьенн и господин Полиньи отдали распоряжение, чтобы ее оставляли для него на все представления. Поэтому когда он приходил, то просил у меня скамеечку...

– Минуточку! Призрак просит скамеечку? Стало быть, ваш Призрак – женщина? – спросил Моншармен.

– Нет, Призрак – мужчина.

– Откуда вы знаете?

– У него мужской голос. О! Тихий такой голос. Вот как все происходит: когда он является в Оперу – обычно это бывает где-то в середине первого акта, – он три раза отрывисто

стучит в дверь ложи номер пять. Первый раз, когда я услышала эти три удара, хотя прекрасно знала, что в ложе пока никого нет, само собой, я была страшно удивлена! Открываю дверь, смотрю, слушаю – никого! И вдруг раздается чей-то голос: «Мадам Жюль (так звали моего покойного мужа), можно попросить у вас скамеечку?» С вашего позволения, господин директор, от неожиданности я стала красная, как помидор. А голос продолжал: «Не пугайтесь, мадам Жюль, это я – Призрак Оперы!!!» Я поглядела в ту сторону, откуда доносился голос, к слову сказать, такой добрый, такой приветливый, что почти не внушал мне страха. Голос, господин директор, сидел в первом кресле первого ряда справа. Только я никого не видела в кресле, хотя можно было поклясться, что там кто-то сидит, кто-то разговаривает, и этот кто-то был очень учтивым, честное слово.

– Ложа, которая находится справа от ложи номер пять, была занята? – спросил Моншармен.

– Нет, ложа номер семь, так же как и ложа номер три слева, еще не была занята. Спектакль только-только начался.

– И что же вы сделали?

– Конечно, я принесла скамеечку. Скамеечку он, разумеется, просил не для себя, а для своей супруги! Только ее я ни разу не видела и не слышала...

Как? Что? Оказывается, у Призрака есть еще и жена! Взгляды господина Моншармена и господина Ришара от мадам Жири обратились к инспектору, который за спиной билетерши размахивал руками, пытаясь привлечь внимание своего начальства. Указательным пальцем он в отчаянии стучал себя по лбу, давая понять директорам, что матушка Жюль наверняка сумасшедшая. Эта пантомима окончательно укрепила господина Ришара в намерении избавиться от инспектора, который держит у себя на службе ненормальную. А славная женщина, увлеченная своим Призраком, продолжала тем временем, нахваливая его щедрость:

– В конце спектакля он всегда дает мне монетку в сорок су, иногда сто су, а бывает, даже десять франков, если он несколько дней не приходит. Зато теперь, когда ему снова начали досаждать, он ничего мне больше не дает...

– Прошу прощения, милейшая... (Новый бунт пера на шляпе цвета сажи ввиду такой настойчивой фамильярности.) Прошу прощения!.. Но каким образом Призрак вручает вам ваши сорок су? – спросил любознательный от рождения Моншармен.

– Очень просто! Оставляет на полочке в ложе. Я нахожу их вместе с программкой, которую всегда приношу ему; бывают вечера, когда я нахожу в моей ложе цветы, например розу, которая могла упасть с корсажа его дамы, потому что иногда он наверняка приходит с дамой, ведь однажды они забыли веер.

– Вот как! Призрак забыл веер? И что же вы с ним сделали?

– Вернула ему в следующий раз.

Тут раздался голос инспектора:

– Вы нарушили правила, мадам Жири, я налагаю на вас штраф.

– Помолчите, глупец! – Бас господина Фирмена Ришара.

– Вы вернули веер! А дальше?

– Дальше они его унесли, господин директор; после спектакля я его не нашла, а в доказательство они оставили вместо него коробку английских конфет, которые я так люблю, господин директор. Это обычная любезность Призрака...

– Хорошо, мадам Жири... Вы можете идти.

После того как мадам Жири не без определенной доли никогда не покидавшего ее достоинства распростилась с двумя директорами, те заявили инспектору, что они решили отказаться от услуг этой старой безумицы. И отпустили инспектора.

Когда же господин инспектор после заверений в своей безграничной преданности этому дому тоже удалился, директора предупредили администратора, что ему следует рассчитать

инспектора. Оставшись одни, господа директора поделились друг с другом одной мыслью, которая пришла им в голову обоим, причем одновременно, а именно: пойти заглянуть в ложу номер пять.

Вскоре и мы туда за ними последуем.

Глава VI

Волшебная скрипка

Кристине Дое, ставшей жертвой интриг, к которым мы вернемся чуть позже, не приходилось надеяться на повторение в скором времени триумфа того памятного гала-концерта. Хотя с той поры ей довелось выступить на приеме у герцогини из Цюриха, где она пела самые прекрасные отрывки из своего репертуара; вот как писал о ней известный критик Х.У.З., приглашенный туда в числе именитых гостей:

«Когда слушаешь ее в «Гамлете», задаешься вопросом, уж не сам ли Шекспир явился с Елисейских Полей, дабы репетировать с ней партию Офелии... Хотя верно и то, что, когда она надевает звездную диадему Царицы Ночи, Моцарту приходится покидать вечные пределы, чтобы послушать ее. Но нет, ему не следует беспокоиться, ибо звучный, взволнованный голос чарующей исполнительницы его «Волшебной флейты» долетит к нему и на небо, куда она возносится с легкостью, точно так же как без труда сумела переселиться из своей деревенской хижинки в Скотлофе во дворец из золота и мрамора, построенный господином Гарнье»⁶.

Однако после вечера у герцогини из Цюриха Кристина не поет больше в свете. Она отказывается от любых приглашений и любых гонораров. Не дав никакого правдоподобного объяснения, она отказалась появиться на благотворительном празднике, хотя раньше обещала принять в нем участие. Она ведет себя так, будто не вольна уже распоряжаться собственной судьбой, будто боится нового триумфа.

Кристине стало известно, что граф де Шаньи, стараясь доставить удовольствие своему брату, хлопотал за нее перед господином Ришаром. Она написала ему, чтобы поблагодарить, и просила не говорить о ней больше с директорами. Каковы же могли быть мотивы столь странного поведения? Одни уверяли, что это непомерная гордыня, другие кричали о божественной скромности. Но можно ли быть настолько скромным в театре? Не знаю, вернее всего, мне просто-напросто следовало написать всего одно лишь слово: страх. Да, мне думается, что Кристина Дое испугалась того, что с ней произошло, и наверняка была поражена не меньше окружающих.

Поражена? Да полно! Передо мной письмо Кристины (из коллекции Перса), которое связано с событиями того времени. Так вот, перечитав его, я уже не написал бы, что Кристина была поражена или даже испугана своим триумфом, нет, она была просто *в ужасе*. Да-да... в ужасе!

«Я не узнаю себя больше, когда пою!» – говорит она.

Бедное, чистое, нежное дитя!

Она нигде не показывалась, и виконт де Шаньи понапрасну пытался искать с ней встречи. Он писал ей, испрашивая разрешения явиться к ней, и уже отчаялся получить ответ, когда однажды утром она прислала ему письмо следующего содержания:

«Сударь!

Я не забыла маленького мальчика, который отправился за моим шарфом в море. Я не могу не написать вам об этом сегодня, когда, влекомая священным долгом, собираюсь в Перро. Завтра годовщина смерти моего бедного батюшки, которого вы знали и который очень любил вас. Он похоронен там вместе со своей скрипкой, на кладбище, прилегающем к церквушке, у подножия холма, где мы так часто играли маленькими, у обочины той самой дороги, где, чуть повзрослев, мы простились в последний раз».

Получив от Кристины Дое это письмо, виконт де Шаньи бросился к железнодорожному справочнику и, наспех одевшись, написал несколько строк, которые камердинер должен был

---

⁶ Гарнье Шарль (1825–1898) – французский архитектор, его шедевр – здание парижской Оперы.

отдать его брату, потом вскочил в экипаж, слишком поздно, однако, доставивший его на перрон вокзала Монпарнас, так что он не успел на утренний поезд, на который рассчитывал.

Рауль провел тоскливый день и вновь обрел вкус к жизни лишь вечером, когда занял место в вагоне. На протяжении всего пути он снова и снова перечитывал письмо Кристины, наслаждаясь ароматом ее духов и воскрешая в памяти сладостные картины своих юных лет. Всю эту отвратительную ночь на железной дороге он провел в лихорадочных мечтаниях, началом и концом которых была Кристина Дое.

Занимался день, когда он высадился в Ланьоне. Рауль тут же бросился к дилижансу Перро-Гирек. Он был единственным пассажиром. Расспросив кучера, он узнал, что накануне вечером молодая женщина, по виду парижанка, просила отвезти ее в Перро, где она остановилась в маленькой гостинице «Закатное солнце». Это могла быть только Кристина. Она приехала одна. Рауль вздохнул с облегчением. Наконец-то он сможет без всяких помех поговорить с Кристиной в этом уединенном месте. Он любил ее до умопомрачения. Этот взрослый парень, объехавший вокруг света, был чист, как девственница, никогда не покидавшая материнский кров.

По мере своего приближения к Кристине он с благоговением вспоминал историю маленькой шведской певицы. Многие ее подробности до сих пор неведомы толпе.

В небольшом селении в окрестностях Упсалы жил да поживал один крестьянин со своей семьей, всю неделю он возделывал землю, а по воскресеньям пел у аналоя. У крестьянина была девочка, которую, прежде чем она научилась читать, он приобщил к музыкальной азбуке. Папаша Дое был, возможно сам того не подозревая, великим музыкантом. Он играл на скрипке и считался лучшим деревенским скрипачом Скандинавии. Слава о нем шла по всей округе, к нему всегда обращались, если собирались потанцевать на свадьбе или на пирушке. Матушка Дое была немощной и умерла, когда Кристине шел шестой год. Отец, любивший лишь дочь да музыку, тотчас продал свой клочок земли и отправился за славой в Упсалу. Но нашел там только нищету. Тогда он вновь вернулся к деревенской жизни, бродил по ярмаркам, пиликая скандинавские мелодии, а дочь его, никогда не расстававшаяся с ним, с восторгом слушала отца или пела, вторя ему.

Однажды на ярмарке в Лимбе их обоих услышал профессор Валериус и увез с собой в Гётеборг. Он уверял, что отец – лучший уличный скрипач в мире, а дочь обладает всем необходимым, чтобы стать великой артисткой. И девочку стали обучать и воспитывать. Везде и всюду она всех очаровывала своей красотой, грацией и стремлением правильно говорить и правильно поступать. Успехи ее были поразительны. Тем временем профессору Валериусу и его жене пришлось переехать во Францию. Они взяли с собой Дое и Кристину. Госпожа Валериус относилась к Кристине как к родной дочери.

Что же касается отца, то он стал чахнуть от тоски по родине. В Париже папаша Дое никогда не выходил из дому. Жил в каком-то полусне, в мечтаниях, давая им пищу звуками своей скрипки. Целыми часами сидел он, закрывшись с дочерью в комнате, откуда доносились тихие звуки скрипки и пение. Иногда госпожа Валериус приходила послушать их у двери. Тяжело вздыхая, она вытирала слезу и возвращалась к себе на цыпочках. Она тоже тосковала по скандинавскому небу.

Папаша Дое оживал лишь летом, когда все семейство выезжало отдыхать в Перро-Гирек, в ту пору малоизвестный парижанам уголок Бретани. Ему очень нравилось море в этом краю, по его словам, такого же точно цвета, как там, на родине, и часто на пляже он играл для него самые печальные свои мелодии, уверяя, что море смолкает, внимая им. Потом он так стал донимать своими мольбами госпожу Валериус, что та смирилась с новой причудой бывшего деревенского скрипача.

В пору «прощений» – освященного обычаем бретонского паломничества, деревенских праздников, танцев и тайных вечеринок – он уходил, как в былые времена, со своей скрипкой

на целую неделю и получал право брать с собой дочь. Их готовы были слушать непрестанно. На год вперед они наполняли сладкими звуками самые глухие деревенские уголки, а ночью, отказавшись от постели на постоялом дворе, спали, прижавшись друг к другу, в сараях, на соломе, как в то время, когда были бедняками в Швеции.

Хотя одеты они были очень прилично и отказывались брать су, которые им предлагали, не требовали жертвований, так что окружающие не могли понять этого уличного скрипача, бродившего по дорогам с такой прелестной девочкой, она пела до того хорошо, что казалось, будто слышишь райского ангела. За ними следовали по пятам из деревни в деревню.

Однажды городской мальчик, который оказался поблизости со своей воспитательницей, заставил ту проделать большой путь, ибо никак не решался покинуть маленькую девочку, чей нежный и чистый голос буквально заморозил его. Так они добрались до бухточки, которая и сейчас зовется Трестрау. Тогда в том месте не было ничего, только небо да море и золотистый берег.

А кроме того, дул еще сильный ветер, который унес шарф Кристины в море. Вскрикнув, Кристина протянула руки, но тонкая ткань колыхалась уже далеко на волнах. И вдруг Кристина услышала чей-то голос: «Не беспокойтесь, мадемуазель, я достану ваш шарф!»

И она увидела мальчика, который бежал, бежал, несмотря на крики и возмущенные возгласы славной дамы в черном. Мальчик вошел в море одетый и принес шарф. И мальчик, и шарф оказались в плачевном состоянии! Дама в черном никак не могла успокоиться, а Кристина смеялась от всего сердца и поцеловала мальчика.

Это был виконт Рауль де Шаньи. В тот момент он жил со своей теткой в Ланьоне. В течение лета Кристина и Рауль виделись почти каждый день и вместе играли. По просьбе тетки и ходатайству профессора Валериуса папаша Дое согласился давать уроки игры на скрипке юному виконту. Так Рауль научился любить те же мелодии, которые околдовали детство Кристины. У обоих была мечтательная, покойная душа. Они любили разные истории, старые бретонские сказки, ничего другого им и не требовалось, и главная их игра заключалась в том, чтобы ходить от двери к двери, выпрашивая их, словно нищие. «Сударыня или милостивый государь, нет ли у вас какой-нибудь занятой истории, пожалуйста, расскажите нам ее!» Им редко не соглашались «подавать». Найдется ли такая бретонская старушка преклонных лет, которая бы хоть раз в жизни не видела, как при свете луны танцуют в вересковых зарослях злые духи?

Однако настоящий праздник наступал для них в сумерках, когда солнце исчезало в море и нисходил великий вечерний покой, вот тогда-то папаша Дое садился рядом с ними на обочине дороги и рассказывал им тихим голосом, словно опасаясь спугнуть призраков, которых вызывал, великолепные, сладостные или страшные легенды Северной страны. Это могло быть прекрасно, как сказки Андерсена, или печально, как баллады великого поэта Рунеберга. Стоило ему умолкнуть, и дети хором просили: «Еще!»

Была одна история, которая начиналась так:

«Король сидел в маленьком челне на одном из тех спокойных и глубоких водоемов, что открываются вдруг взору, словно сверкающее око посреди норвежских гор...»

Или вот еще другая:

«Маленькая Лотта думала обо всем и ни о чем. Летняя пташка, она парила в золотых солнечных лучах с весенним венком на своих светлых локонах. Душа у нее была ясной и такой же лучезарной, как ее взгляд. Она нежила и лелеяла свою мать, хранила верность кукле, очень заботилась о своем платье, красных туфельках и скрипке, но более всего любила слушать, засыпая, Ангела музыки».

Пока папаша Дое рассказывал все это, Рауль смотрел на золотистые волосы и голубые глаза Кристины. А Кристина думала, что на долю маленькой Лотты выпало несказанное счастье: слушать, засыпая, Ангела музыки.

У папаши Дое не было, пожалуй, ни одной истории, где не возникал бы Ангел музыки, и дети постоянно требовали у него объяснений по поводу этого Ангела. Папаша Дое утверждал, что ко всем великим музыкантам, ко всем большим артистам хотя бы раз в жизни приходит Ангел музыки. Иногда этот Ангел склоняется над их колыбелью, как это случилось с маленькой Лоттой, потому-то и встречаются чудо-дети, которые в шесть лет играют на скрипке лучше, чем многие в пятьдесят, что, признайтесь, совершенно поразительно. А иногда Ангел приходит гораздо позже, потому что дети бывают непослушны и не хотят учиться, небрежно относятся к своим гаммам. Но бывает, Ангел вообще не приходит, если сердце у человека нечистое и совесть неспокойна. Ангела никто никогда не видит, но его дано слышать избранным душам. И чаще всего такое случается в те минуты, когда они меньше всего этого ожидают, пребывают в печали и унынии. Тогда вдруг ухо улавливает небесную музыку, некий божественный голос, и это остается в памяти на всю жизнь. Люди, которых посетил Ангел, словно воспламеняются. Их охватывает трепет, неведомый остальным смертным. И у них появляется одна особенность: стоит им коснуться инструмента или открыть рот, чтобы петь, как возникают звуки, затмевающие своей красотой все иные человеческие звуки. Те, кто не знает, что этих людей посетил Ангел музыки, говорят: у них талант.

Маленькая Кристина спрашивала у папы, доводилось ли ему слышать Ангела. В ответ папаша Дое грустно качал головой, но потом взгляд его оживлялся, глаза начинали блестеть, и он говорил своей дочке: «Ты, моя девочка, обязательно его услышишь. Когда я буду на небе, я пошлю его к тебе, обещаю!»

К тому времени папаша Дое начал кашлять.

Пришла осень и разлучила Рауля с Кристиной.

Через три года они снова встретились – уже молодыми людьми. Произошло это опять в Перро, и Рауль сохранил о той встрече такое воспоминание, что оно преследовало его всю жизнь.

Профессор Валериус умер, но госпожа Валериус осталась во Франции, где ее удерживали интересы, а вместе с ней остались папаша Дое с дочерью. Они по-прежнему пели и играли на скрипке, увлекая своей мелодичной мечтой дорогую их сердцу покровительницу, которая жила теперь, казалось, только музыкой.

Молодой человек приехал на всякий случай в Перро и зашел в дом, где оставил когда-то свою маленькую подружку. Сначала он увидел старика Дое; тот встал со стула и со слезами на глазах обнял его, сказав, что они, конечно же, помнят его. Действительно, не проходило дня, чтобы Кристина не вспоминала Рауля. Старик все еще говорил, когда дверь отворилась и вошла очаровательная девушка, которая заботливо несла на подносе горячий чай. Она узнала Рауля и поставила свою ношу. Прелестное личико вспыхнуло легким румянцем. Девушка в нерешительности молчала. Папаша глядел на них обоих. Рауль подошел к девушке и поцеловал ее; она не сопротивлялась. Задав ему несколько вопросов, Кристина премило выполнила обязанности хозяйки, потом взяла поднос и покинула комнату. Затем поспешила в сад и села в одиночестве на скамью. Ее охватили чувства, впервые всколыхнувшиеся в юном сердце. Вскоре к ней присоединился Рауль, и они в смущении проговорили до вечера.

Оба сильно изменились и с трудом узнавали друг друга, поражаясь тому, какое огромное значение приобрел каждый в глазах другого. Они вели себя осторожно, как дипломаты, беседовали о вещах, не имевших никакого отношения к их нарождающимся чувствам. Когда же они прощались на обочине дороги, Рауль, запечатлев вежливый поцелуй на ее дрожащей руке, сказал Кристине: «Мадемуазель, я никогда вас не забуду!» – и ушел, сожалея о своих опрометчивых словах, ибо прекрасно сознавал, что Кристина Дое не может стать женой виконта де Шаньи.

Что касается Кристины, то она, вернувшись к отцу, сказала: «Тебе не кажется, что Рауль стал не таким милым, как прежде? Я его больше не люблю!» И она попыталась не думать о нем.

Удавалось ей это с трудом, тогда она полностью отдалась своему искусству, отнимавшему у нее все время. Успехи ее были поразительны. Те, кто слышал ее, предсказывали, что она станет лучшей артисткой во всем мире. Но тем временем умер ее отец, и вместе с ним она, казалось, потеряла и свой голос, и свою душу, и свой талант. Кое-что у нее все-таки осталось, этого хватило – но едва-едва, – чтобы поступить в консерваторию. Она ничем не выделялась, прилежно занималась, но без особого энтузиазма, и получила премию, чтобы доставить удовольствие старой госпоже Валериус, вместе с которой продолжала жить.

Первый раз, когда Рауль вновь увидел Кристину в Опере, он был очарован красотой юной девушки и навеянными ею воспоминаниями о милых картинах прошлой жизни, но в то же время удивлен ее невысокими достижениями в искусстве. Потом пришел еще раз ее послушать. Он последовал за ней за кулисы. Ждал, пытаясь привлечь ее внимание. Не раз провожал ее до порога гримерной, но она его не замечала. Впрочем, казалось, будто она никого не замечает. Мимо проходило само безразличие. Рауль страдал, ибо она была красива; он был робок и не решался признаться самому себе, что любит ее. А потом, как гром среди ясного неба, случился тот праздничный гала-концерт: небеса разверзлись, и на земле зазвучал ангельский голос, призванный завораживать мужчин и погубить его собственное сердце...

А потом, потом послышался мужской голос за дверью: «Любите меня!» – и никого в гримерной...

Почему она засмеялась, когда он сказал ей, как только она открыла глаза: «Я тот самый маленький мальчик, который подобрал в море ваш шарф»? Отчего не узнала его? И зачем написала ему?

О! Какой длинный берег, очень длинный... Вот перекресток, где сходятся три дороги... Пустынная равнина, обледелый вереск, пейзаж, застывший под бледным небом. Позвякивают стекла, а ему кажется – они разбиваются у него в ушах... Сколько шума от этого дилижанса, продвигающегося так медленно! Он узнаёт хижину, ограды, откосы, деревья вдоль дороги... А вот и последний поворот, дальше дорога пойдет под уклон, а там – море, просторная бухта Перро...

Итак, она остановилась в гостинице «Закатное солнце». А где же еще! Других попросту нет. К тому же гостиница очень хорошая. Он помнит, какие прекрасные истории рассказывались там в былые времена! Как сильно бьется сердце! Что она скажет, когда увидит его?

Первой, кого он заметил, войдя в старый закоптившийся зал гостиницы, была матушка Трикар. Она узнала его. Осыпала комплиментами. Спросила, что привело его в эти края. Он покраснел. Сказал, что приехал по делам в Ланьон и решил «заглянуть сюда, чтобы поприветствовать ее». Она хотела подать ему завтрак, но он ответил: «После». Казалось, он ждет чего-то или кого-то. Дверь открывается. Рауль тут же вскакивает. Он не ошибся: это она! Он хочет что-то сказать и снова опускается на стул.

Она стоит перед ним улыбающаяся, ничуть не удивленная. Лицо у нее свежее, розовое, похожее на клубнику, созревшую в тени. Девушка наверняка разволновалась от быстрой ходьбы. Грудь ее, где скрывается чистое сердце, тихонько приподнимается. Глаза – прозрачные, светло-лазоревые зеркала цвета неподвижных, задумчивых озер там, ближе к северу мира, эти глаза безмятежно посылают ему отражение ее чистой души. меховое одеяние распахнулось, приоткрыв гибкую талию, стройную линию ее молодой, полной грации фигуры. Рауль и Кристина долго смотрят друг на друга. Матушка Трикар улыбается и незаметно исчезает.

Наконец Кристина заговорила:

– Вы приехали, меня это несколько не удивляет. У меня было предчувствие, что, вернувшись с мессы, я найду вас здесь, в этой гостинице. *Кто-то* сказал мне там об этом. Мне сообщили о вашем прибытии.

– Кто же? – спрашивает Рауль, заключая в свои руки маленькую ручку Кристины, которой та не отнимает.

– Ну конечно, мой бедный покойный папа.

– А ваш папа не сказал вам, что я люблю вас, Кристина, что я не могу жить без вас?

Кристина покраснела до корней волос и отвернулась.

– Меня? Вы с ума сошли, мой друг, – сказала она дрожащим голосом. И рассмеялась, чтобы придать себе уверенности.

– Не смейтесь, Кристина, это очень серьезно.

А она в ответ строгим голосом:

– Я заставила вас сюда приехать вовсе не для того, чтобы вы говорили мне подобные вещи.

– Вы «заставили» меня приехать, Кристина, значит, вы догадались, что ваше письмо не оставит меня равнодушным и что я примчусь в Перро. Как вы могли такое предположить, если не думали, что я вас люблю?

– Я думала, вы вспомните наши детские игры, в которых нередко принимал участие мой отец. По правде говоря, я и сама хорошенько не знаю, о чем я думала... Возможно, я напрасно вам написала... Ваше внезапное появление в моей гримерной в тот вечер перенесло меня далеко, очень далеко в прошлое, и я написала вам, как маленькая девочка, какой была тогда, которая в минуту печали и одиночества была бы рада вновь увидеть рядом с собой своего маленького приятеля...

Какое-то время они хранят молчание. Есть в поведении Кристины что-то такое, что кажется Раулю неестественным, хотя ему и не удастся понять, что именно. Между тем он не ощущает ее враждебности, напротив... грустная нежность ее взгляда говорит сама за себя. Но почему в этой нежности столько грусти? Вот что следует прояснить и что не может не раздражать молодого человека...

– Когда вы увидели меня в своей гримерной, Кристина, это был первый раз, что вы меня заметили?

Она не умеет лгать и потому отвечает:

– Нет! Я уже видела вас несколько раз в ложе вашего брата. И на сцене тоже.

– Я так и знал! – говорит Рауль, надувшись. – Но почему же в таком случае, увидев меня у своих ног в гримерной, да еще после того, как я напомнил вам, что подобрал в море ваш шарф, почему вы ответили так, будто вовсе меня не знаете, и еще смеялись?

Тон вопросов был таким жестким, что Кристина с удивлением взглянула на Рауля и ничего не ответила. Молодой человек и сам поразился внезапной ссоре, на которую он отважился именно в тот момент, когда обещал себе сказать Кристине слова, которые выразили бы всю его нежность, любовь и смиренное послушание. Именно так разговаривал бы муж или любовник, у которого есть все права, с оскорбившей его женой или любовницей. Он и сам на себя сердится, чувствуя свою вину и считая себя глупцом, но не находит выхода из этого смешного положения и принимает отчаянное решение показать себя с отвратительной стороны.

– Вы мне не отвечаете! – ощущая себя несчастным, злобно говорит он. – Хорошо, тогда я отвечу за вас! Дело в том, что в гримерной находился кто-то еще, кто вас стеснял, Кристина! Кто-то, кому вы не хотели показать, что можете интересоваться кем-то другим!..

– Если кто-то и стеснял меня, друг мой, – прервала его Кристина ледяным тоном, – если кто-то и стеснял меня в тот вечер, вероятно, это были вы, если я выставила вас за дверь!..

– Да!.. Чтобы остаться с другим!..

– Что вы такое говорите, сударь? – задыхаясь, ответила молодая женщина. – И о ком другом идет речь?

– О том, кому вы сказали: «Я пою только для вас! Сегодня я отдала вам всю душу и осталась без сил!»

Кристина схватила Рауля за руку и сжала ее с такой силой, какую трудно было заподозрить у столь хрупкого существа.

– Стало быть, вы подслушивали за дверью?

– Да! Потому что люблю вас... И я все слышал...

– Что вы слышали? – Отпустив руку Рауля, девушка вновь обрела странное спокойствие.

– Он сказал вам: «Любите меня!»

При этих словах смертельная бледность разлилась по лицу Кристины, глаза ввалились, пошатнувшись, она едва не упала. Рауль бросился к ней, протягивая руки, но Кристина уже превозмогла минутную слабость и тихим, почти умирающим голосом прошептала:

– Дальше! Говорите дальше! Расскажите обо всем, что слышали!

Рауль в нерешительности смотрит на нее, не понимая, что же все-таки происходит.

– Да говорите же! Разве вы не видите, что я чуть не умираю!..

– Еще я слышал, как он ответил вам, когда вы сказали, что отдали ему всю душу: «Твоя душа прекрасна, дитя мое, и я благодарю тебя. Вряд ли найдется император, который получил бы подобный дар! Ангелы плакали сегодня вечером!»

Кристина подносит руку к сердцу. В неописуемом волнении она пристально смотрит на Рауля. И взгляд у нее такой пронзительный, такой неподвижный, что кажется, будто это взгляд безумной. Рауль в ужасе. Но вот глаза Кристины стали влажными, и на ее щеки цвета слоновой кости скатились две жемчужины, две тяжелых слезы...

– Кристина!..

– Рауль!..

Молодой человек хочет схватить ее, но она выскальзывает у него из рук и убегает в полном смятении.

Пока Кристина сидела взаперти у себя в комнате, Рауль осыпал себя упреками за свою резкость, хотя, с другой стороны, в его горячей крови снова разбушевалась ревность. Для того чтобы девушка проявила подобное волнение, узнав, что ее секрет раскрыт, секрет должен быть немаловажным! Несмотря на все услышанное, Рауль, разумеется, нисколько не сомневался в чистоте Кристины. Он знал, что она пользовалась безупречной репутацией, и сам не был таким уж неискушенным новичком, чтобы не понять: актриса порой бывает вынуждена выслушивать любовные речи. Она в ответ заявила, что отдала всю душу, но нет сомнений, что речь тут шла всего лишь о пении и музыке. Нет сомнений? Тогда откуда же такое волнение сейчас? Боже мой, до чего же несчастен был Рауль! И если бы ему попался мужчина, тот самый мужской голос, он потребовал бы у него более четких объяснений.

Почему Кристина убежала? Почему она не выходит?

Рауль отказался от обеда. Он был страшно опечален, с великой горечью сознавая, что эти часы, рисовавшиеся ему в мечтах столь радужными, протекают вдали от юной шведки. Почему она не желает побродить вместе с ним по тем местам, с которыми их связывает столько общих воспоминаний? И почему, если ей, судя по всему, нечего больше делать в Перро, да она и в самом деле ничего здесь не делает, почему она сей же час не возвращается в Париж? Ему стало известно, что утром она заказала мессу за упокой души папаши Дое и несколько часов молилась в маленькой церквушке и на могиле деревенского скрипача.

Печальный и обескураженный, Рауль отправился на кладбище, окружавшее церковь. Открыв калитку, он бродил в одиночестве среди могил, разбирая надписи, но, дойдя до алтарного выступа, сразу все понял, увидев яркие цветы, оживлявшие могильную плиту и, не уместаясь на ней, ниспадавшие до самой земли, укрытой белым покровом. Они наполняли благоуханием этот заледенелый от зимней стужи бретонский уголок. То были чудесные красные розы, распустившиеся, казалось, утром в снегу. Они вносили немного жизни в царство мертвых, ибо смерть тут была повсюду. Она тоже не уместалась в земле, отторгавшей избыток трупов. Скелеты и черепа сотнями скапливались у церковной стены, удерживаемые всего-навсего лег-

кой железной сеткой, оставлявшей неприкрытой эту жуткую конструкцию. Черепа, уложенные рядами, словно кирпичи, и укрепленные в промежутках чисто выбеленными костями, как бы образовывали фундамент, на который опирались стены ризницы. Дверь ризницы находилась посреди этого скопления костей, которое нередко можно увидеть у стен старых бретонских церквей.

Помолившись за папашу Дое, Рауль, на которого навеки застывшие улыбки, свойственные черепам, произвели безотрадное впечатление, покинул кладбище и, поднявшись по откосу, сел на краю равнины, возвышавшейся над морем. Ветер злобно метался по песчаному берегу, стараясь прогнать жалкий и боязливый свет дня. Обращенный в бегство, тот отступил, застыв у горизонта белесой полосой. Ветер утих. Наступил вечер. Ледяной сумрак окутал Рауля, но он не ощущал холода. Предаваясь воспоминаниям, мысленно он бродил по пустынной, унылой равнине. Именно сюда, на это место, с наступлением сумерек он часто приходил с маленькой Кристиной, чтобы в тот момент, когда появится луна, посмотреть на танец злых духов. Что касается его, то сам он никогда их не видел, хотя отличался хорошим зрением. Кристина же, которая была немного близорука, напротив, уверяла, будто видела их множество.

При этой мысли он улыбнулся, потом вдруг вздрогнул. Какая-то фигура, вполне отчетливая, но явившаяся неведомо откуда, ибо он не слышал ни малейшего шума, так вот эта фигура, стоявшая рядом с ним, произнесла:

– Вы думаете, злые духи придут сегодня вечером?

То была Кристина. Он собирался что-то сказать. Но она закрыла ему рот рукой, затянутой перчаткой.

– Послушайте, Рауль, я решилась сказать вам важную вещь, очень важную! – Голос ее дрожал.

Он ждал.

Она с трудом продолжала:

– Вы помните, Рауль, легенду об Ангеле музыки?

– Еще бы! – молвил он. – Думается, именно здесь ваш отец впервые рассказал нам ее.

– И именно здесь он мне обещал: «Когда я буду на небе, дитя мое, я пришлю его к тебе». Так вот, Рауль, мой отец на небе, и ко мне приходил Ангел музыки.

– Не сомневаюсь, – серьезным тоном произнес молодой человек, ибо решил, что в сознании его подруги, предававшейся благочестивым мыслям, смешались воспоминания об отце и ее недавний оглушительный триумф.

Кристина, казалось, слегка удивилась хладнокровию, с каким виконт де Шаньи воспринял известие о том, что к ней приходил Ангел музыки.

– Что вы под этим понимаете, Рауль? – спросила она, склонив свое бледное лицо к лицу молодого человека так близко, что тот мог подумать, будто Кристина собирается его поцеловать, но она, несмотря на темноту, хотела всего лишь увидеть выражение его глаз.

– Я полагаю, – отвечал он, – что человеческое создание не может петь так, как пели вы в тот вечер, без вмешательства какого-то чуда, без содействия небес. Не сыщется на земле такого преподавателя, который мог бы научить вас подобным интонациям. Вы слышали Ангела музыки, Кристина.

– Да, – торжественно заявила она, – в моей гримерной. Он приходит туда ежедневно давать мне уроки.

Она произнесла это таким проникновенным и странным тоном, что Рауль посмотрел на нее с беспокойством, так смотрят на человека, который говорит несусветную глупость или настаивает на существовании некоего безумного видения и верит в него всеми силами своего несчастного, больного разума. Но она отодвинулась и, застыв неподвижно, походила теперь на слабую тень в ночи.

– В вашей гримерной? – вторил ей Рауль, словно нелепое эхо.

– Да, я слышала его именно там, и не я одна...

– Кто же слышал его еще, Кристина?

– Вы, мой друг.

– Я? Я слышал Ангела музыки?

– Да, в тот вечер; это говорил он, когда вы слушали за дверью моей гримерной. Это он сказал мне: «Любите меня». Однако я думала, что только одна различаю его голос. Представьте же мое удивление, когда сегодня утром я узнала, что и вы смогли его услышать, и вы тоже.

Рауль рассмеялся. И тотчас тьма над пустынной равниной рассеялась, и первые лучи лунного света упали на молодых людей. Кристина с неприязненным видом повернулась к Раулю. Глаза ее, обычно такие ласковые, метали молнии.

– Почему вы смеетесь? Может, вы думаете, что слышали голос мужчины?

– Конечно! – отвечал молодой человек, мысли которого начали путаться из-за воинственного поведения Кристины.

– И это вы, Рауль, вы говорите мне это! Мой давний маленький товарищ! Друг моего отца! Я не узнаю вас больше. Что вы себе вообразили? Я честная девушка, господин виконт де Шаньи, и не закрываюсь у себя в гримерной с мужскими голосами. Если бы вы открыли дверь, то увидели бы, что там никого не было!

– Верно! Когда вы ушли, я открыл дверь и никого не нашел в гримерной...

– Вот видите. В чем же дело?

Виконт собрал все свое мужество.

– А вот в чем, Кристина, я думаю, над вами кто-то смеется!

Она вскрикнула и убежала. Он кинулся вслед за ней, но она бросила ему в неописуемом гневе:

– Оставьте меня! Оставьте меня! – И исчезла.

Рауль вернулся в гостиницу, испытывая страшную усталость, уныние и неизбежную печаль.

Ему сказали, что Кристина поднялась к себе в комнату, заявив, что не спустится к ужину. Молодой человек спросил, не больна ли она. Славная хозяйка гостиницы ответила двусмысленно: мол, если она и страдает, то болезнь ее не опасна, и, полагая, что влюбленные поссорились, пожав плечами, удалилась, давая понять, что испытывает жалость к молодым людям, которые тратят на пустые раздоры считанное время, отпущенное им Господом Богом на земле.

Рауль поужинал в полном одиночестве у огня, как вы сами понимаете, в весьма мрачном расположении духа. Затем попытался читать у себя в комнате, потом попробовал заснуть в своей кровати. В соседних апартаментах не было слышно ни звука. Что делала Кристина? Спала? А если не спала, о чем думала? А он, о чем он думал? В состоянии ли он был сказать это? Странная беседа с Кристиной совсем сбивала его с толку!.. И думал он не столько о самой Кристине, сколько о том, что творилось вокруг Кристины, и это «вокруг» казалось таким неясным, таким туманным и неуловимым, что он испытывал странное и томительное чувство неловкости.

Часы тянулись бесконечно медленно. Было, наверное, около половины двенадцатого ночи, когда он явственно различил шаги в соседней комнате. То были легкие, осторожные шаги. Кристина, стало быть, не ложилась? Не отдавая себе отчета в своих действиях, молодой человек торопливо оделся, стараясь не шуметь. И, готовый ко всему, стал ждать. Готовый к чему? Да разве он знал?

Сердце его подскочило, когда он услышал, как дверь Кристины медленно открывается. Куда она собиралась в столь поздний час, когда в Перро все замерло?

Тихонько приоткрыв свою дверь, Рауль увидел в лунном свете белую фигуру Кристины, с большими предосторожностями скользнувшую по коридору. Вот она дошла до лестницы, спустилась, а он наверху склонился над перилами.

Внезапно он услышал два голоса, торопливо о чем-то переговаривающихся. До него донеслась фраза: «Не потеряйте ключ». Это был голос хозяйки гостиницы.

Внизу отворилась выходившая на рейд дверь. Ее закрыли. И снова все стихло. Рауль тотчас вернулся в свою комнату и подбежал к окну, распахнув его. Белая фигура Кристины маячила на пустынной набережной.

Второй этаж гостиницы «Закатное солнце» был совсем невысок, и шпалерное дерево, протягивавшее свои ветки навстречу нетерпеливым рукам Рауля, позволило тому выбраться наружу так, что хозяйка и не заметила его отсутствия. А посему велико было удивление славной дамы, когда на следующее утро к ней принесли полузамерзшего молодого человека, который был ни жив ни мертв, и она узнала, что его нашли распростертым на ступеньках главного алтаря маленькой церквушки Перро. Она поспешила сообщить новость Кристине. Торопливо спустившись, та с помощью хозяйки гостиницы, не жалея сил, в тревоге стала приводить в чувство Рауля, который вскоре открыл глаза и окончательно вернулся к жизни, увидев склонившееся над ним очаровательное лицо своей подруги.

Что же произошло?

Несколькими неделями позже, когда драма в Опере привлекла внимание прокуратуры, комиссар Мифруа получил возможность допросить виконта де Шаньи относительно событий той ночи в Перро, и вот в каком виде они были записаны в досье проводившегося расследования. (Шифр 150.)

Вопрос. Мадемуазель Дое не видела, как вы спускались из своей комнаты по странно выбранному пути?

Ответ. Нет, сударь, нет. Между тем я следовал за ней, даже не пытаясь заглушить шум своих шагов. Я молил тогда только об одном: чтобы она обернулась, увидела и узнала меня. В самом деле, я говорил себе, что мое преследование неучтиво и шпионство, на которое я решился, недостойно меня. Но она, казалось, ничего не слышала и вела себя так, словно меня там не было. Она спокойно покинула набережную, потом вдруг торопливо пошла обратно и стала подниматься по дороге. Церковные часы только что пробили без четверти двенадцать, и мне почудилось, будто удар часов словно подстегнул ее, ибо она почти бежала. И наконец добралась до входа на кладбище.

Вопрос. Ворота кладбища были открыты?

ОТВЕТ. Да, сударь, и это меня поразило, но, пожалуй, ничуть не удивило мадемуазель Дое.

Вопрос. На кладбище никого не было?

Ответ. Я никого не заметил. Если бы кто-то был там, я бы увидел. Луна светила ослепительно ярко, и снег, покрывавший землю, отражая ее лучи, делал ночь еще светлее.

Вопрос. Нельзя ли было спрятаться за могилами?

Ответ. Нет, сударь. Жалкие надгробные камни утонули под слоем снега, и кресты оказались на уровне земли. Виднелись лишь наши две тени да тени от этих крестов. Церковь была залита светом. Никогда я не видел ночью подобного света. Это было так красиво, прозрачно и пронизано холодом. Я ни разу не ходил ночью на кладбище и не знал, что там можно увидеть подобный свет, я бы сказал «невесомый свет».

Вопрос. Вы суеверны?

Ответ. Нет, сударь, я верующий.

Вопрос. В каком состоянии духа вы находились?

Ответ. Вполне нормальном и спокойном, честное слово. Разумеется, странный уход мадемуазель Дое меня глубоко поразил, но это только сначала; когда же я увидел, что девушка

идет на кладбище, то подумал: она пришла исполнить какой-то обет на отцовской могиле, такая вещь показалась мне вполне естественной, и я вновь обрел спокойствие. Я только удивился, что она все еще не слышит, как я иду за ней, ведь снег хрустел у меня под ногами. Вероятно, она полностью была поглощена благочестивыми помыслами. Впрочем, я не хотел мешать ей, и, когда она подошла к могиле отца, я остановился в нескольких шагах сзади. Став на колени в снегу, она перекрестилась и начала молиться. В этот момент пробило полночь. Двенадцатый удар еще звучал в моих ушах, когда внезапно я увидел, что девушка поднимает голову; взгляд ее устремился к небесному своду, а руки простерлись к ночному светилу; мне показалось, ее охватил иступленный восторг, и я все еще спрашивал себя, в чем причина этого внезапного восторга, когда сам поднял голову, растерянно оглядываясь по сторонам и всем своим существом устремляясь к Невидимому, *тому Невидимому, кто исполнял для нас музыку*. И какую музыку! Мы ее уже знали! Кристина и я не раз слышали ее в детстве. Но никогда на скрипке папаши Дое она не звучала с такой божественной силой. Самое лучшее, что я мог сделать в такую минуту, – это вспомнить все сказанное недавно Кристиной об Ангеле музыки. Я не знал, что и думать о незабываемых звуках: если они не спускались с неба, то неизвестно, откуда брались на земле. Там не было ни инструмента, ни руки, которая водила бы смычком. О, я прекрасно помнил восхитительную мелодию – «Воскрешение Лазаря». Папаша Дое исполнял это для нас в минуты печали и веры. Если бы Ангел Кристины действительно существовал, он не смог бы лучше сыграть той ночью на скрипке покойного деревенского скрипача. Мольба, обращенная к Иисусу, отрывала нас от земли, и, честное слово, я почти ожидал увидеть, как поднимается могильная плита отца Кристины. Мне пришла мысль, что Дое был похоронен вместе со своей скрипкой, и, по правде говоря, я не знаю, до чего дошло в эту зловещую и лучезарную минуту в глуши маленького провинциального кладбища, рядом с черепами, улыбавшимися нам своими неподвижно застывшими челюстями, нет, я в самом деле не знаю, до чего дошло мое воображение и на чем остановилось.

Но вот музыка смолкла, и я пришел в себя. Мне показалось, будто я услышал шум со стороны скопища черепов и костей.

Вопрос. Ах, вот как... Вы слышали шум со стороны скопища черепов и костей?

Ответ. Да, мне почудилось, что черепа усмеваются, и я невольно вздрогнул.

Вопрос. А вы не подумали, что за костями как раз и мог прятаться тот самый божественный музыкант, который так очаровал вас?

Ответ. Еще бы, конечно, подумал и уже не мог думать ни о чем другом, господин комиссар, я даже не последовал за мадемуазель Дое, которая поднялась и спокойно направилась к воротам кладбища. Она была настолько поглощена своими мыслями, что не заметила меня, в этом нет ничего удивительного. Я замер, не спуская глаз с костей, решив до конца разобраться в этой невероятной истории и найти разгадку.

Вопрос. Что же все-таки случилось, если наутро вас нашли полумертвым, распростертым на ступенях главного алтаря?

Ответ. О, все произошло очень быстро... К моим ногам скатился череп, потом второй, и еще один... Можно было подумать, что я стал мишенью этой зловещей игры в шары. Мне пришло в голову, что какое-то неосторожное движение нарушило порядок в нагромождении костей, за которыми прятался наш музыкант. Такое предположение показалось мне тем более обоснованным, что на залитой ослепительным светом стене ризницы внезапно мелькнула чья-то тень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.